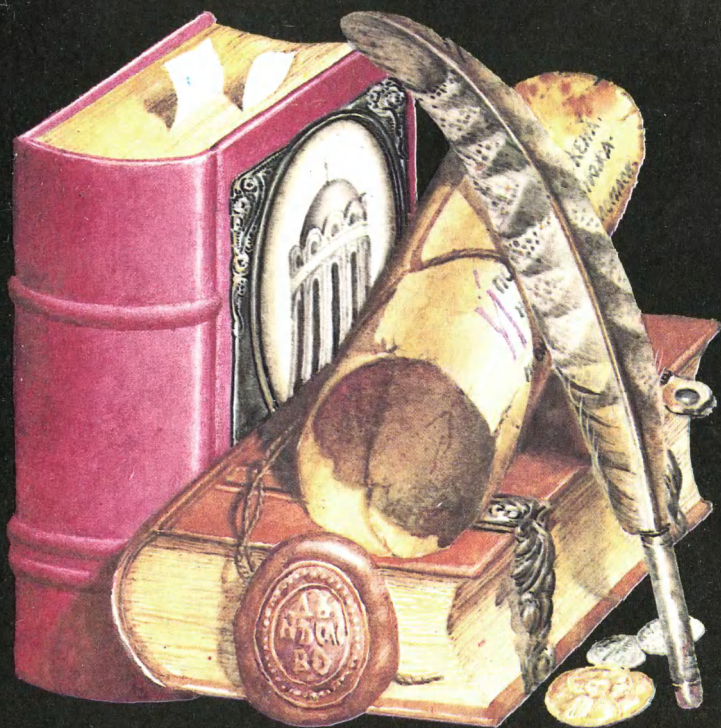

А.Н.Сахаров

ученые*
дэ
школьники*

Дипломатия древней Руси

САХАРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ — доктор исторических наук, заместитель директора Института истории СССР АН СССР. Родился в 1930 г., окончил исторический факультет Московского государственного университета. Специалист в области социально-экономической и политической истории СССР, автор нескольких монографий, ответственный редактор и член редколлегий ряда научных изданий, член редколлегии журнала «Вопросы истории». Большое внимание уделяет популяризации исторических знаний. Член Союза писателей СССР, автор документально-художественных биографий (ЖЗЛ) «Степан Разин», «Владимир Мономах», других литературно-художественных произведений. Заслуженный работник культуры РСФСР.

А. Н. Сахаров

Библиотечка
Детской
энциклопедии

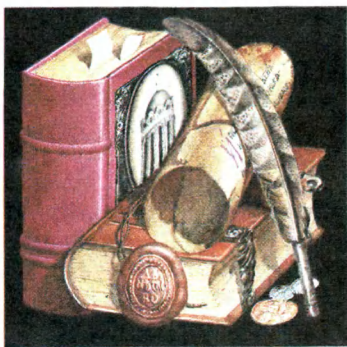

Дипломатия Древней Руси

Редакционная
коллегия:

И. В. Петрянов
(главный редактор),
И. Л. Кнунянц,
А. Л. Нарочницкий

(Зарождение
древнерусской дипломатии)

Москва
«Педагогика», 1987

Рецензент

доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей
СССР *В. В. Каргалов*

Сахаров А. Н.

С22 Дипломатия Древней Руси. — М.: Педагогика, 1987. — 128 с., ил. — (Б-чка Детской энциклопедии «Ученые—школьнику»).

40 коп.

В книге советского ученого-историка рассказывается о международных отношениях Древней Руси, межгосударственных связях европейских и ближневосточных стран раннего средневековья.

Школьники узнают о зарождении на Руси посольской службы, о становлении посольского церемониала, о первых послах.

Для старшекласников.

С $\frac{4802010000-049}{005(01)-87}$ 77—86

ББК 63.3(2)41

Вопрос о времени возникновения древнерусского государства долгое время являлся спорным. Может, было недостаточно источников или данные не позволяли сделать должных выводов? Ничего подобного! Исторических свидетельств сохранилось достаточно, но дореволюционным историкам мешала порочная традиция, рожденная еще в XVIII в. немецкими толкователями русской истории. Они связывали все происходящее на Руси не с историческим прошлым восточных славян, а с варягами, которых отождествляли с норманнами, шведами и т. п.

Кстати, на этих же позициях стоят и современные буржуазные специалисты по истории Древней Руси.

Советские историки опровергли их домыслы, доказали закономерность возникновения государства у восточных славян на основе разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества, привели факты социально-экономической и политической истории восточнославянских племен.

И все же до последнего времени в научных трудах мало внимания уделялось сфере внешней политики, дипломатии древних руссов, хотя именно в этой области наиболее рельефно проявляла Русь свои государственные тенденции. Особенно упорными были усилия норманистов, которые все внешнеполитические шаги Руси связывали с деятельностью варягов. Выходило, что и дипломатические договоры, и масштабные военные походы, и выработка концепции внешней политики складывающегося раннефеодального древнерусского государства, т. е. всё, что характерно для любого классового общества,

любого другого раннефеодального государства того периода, не имеет никакого отношения к истории восточных славян. Русскому народу отказывали в историческом творчестве, не признавали факта создания собственного государства.

А как же знаменитые договоры Руси с Византией — уникальные явления дипломатической истории прошлого, — другие внешнеполитические акции Руси? С этими наименее известными страницами русской истории и знакомит данная книга. Русь предстает перед нами как типичное классовое раннефеодальное государство Европы. Она борется за освобождение восточнославянских земель от ига Хазарии, отстаивает интересы своих феодалов и купцов на международной арене, утверждает, как и другие страны, свой государственный престиж и постепенно выдвигается в ряд крупных держав Европы.

Древнерусское государство. В X—XI вв. оно превратилось в одно из крупнейших держав Европы. Время правления киевских князей Владимира I Святославича, Ярослава Мудрого, а позднее его внука Владимира Мономаха стало подлинным взлетом Древней Руси. Прав был автор знаменитого «Слова о погибели земли Русской», когда он, характеризуя Русь начала XII в., очерчивал огромную территорию от Венгрии, Польши и Чехии на западе до Средней Волги на востоке, от «Дышащего моря» на севере до границ с Византией на юге и писал: «...то все покорил бог народу христианскому ... великому князю Всеволоду, отцу его Юрию (Юрию Долгорукому. — А. С.), князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху».

К этому времени прочные политические связи имела Русь с Византией, Польшей, Чехией, Венгрией, Болгарией. Ее влияние и значение учитывали в своих внешнеполитических планах Германская империя и папа римский, датское, шведское и норвежское королевства, Волжская Булгария, половецкие ханы. Русь была хорошо «ведома» Франции и Англии. В XI в. дочь Ярослава Мудрого Анна Ярославна стала королевой Франции и некоторое время, после смерти короля Генриха I, в малолетство своего сына, наследника французского престола, управляла страной. В этом же веке внучка Ярослава Мудрого стала императрицей Германской империи и была втянута в большую европейскую политику. Русские княжны стали королевами Венгрии, Норвегии, Дании. Киевский великокняжеский дом породнился с английской королевской семьей, с византийским

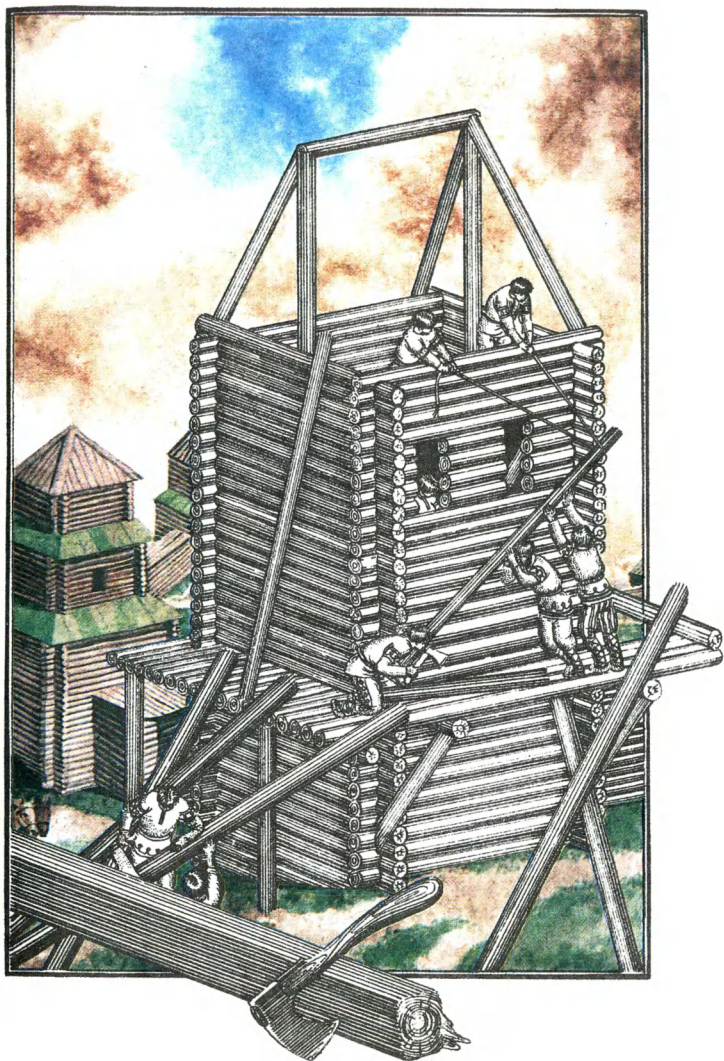
императорским домом, а позднее с видными половецкими ханами.

Характерны в этом смысле родственные связи великого киевского князя Владимира Мономаха, который был внуком шведской принцессы и внуком византийского императора, деверем германского императора, мужем английской принцессы, сватом шведского короля и половецких ханов, племянником французской, венгерской, норвежской и датской королев.

Русские купцы хорошо освоили пути на Восток, были частыми гостями на рынках Константинополя. Знали их и в европейских странах.

Русь принимала активное участие во всех крупных внешнеполитических событиях Восточной Европы в X — начале XII в.

В чем же причины того высокого внешнеполитического престижа, того широкого международного признания, которые завоевала Русь к XII в.? Конечно, в основе этого лежат крупные успехи Киевского государства в области социально-экономического развития. Происходил бурный рост производительных сил страны; в крупных княжеских, боярских, монастырских феодальных владениях зависимые крестьяне распахивали новые земли, осваивали охотничьи и рыбные угодья. Свободные крестьяне-общинники, смерды, которые составляли в этот период значительную часть сельского населения Руси, совершенствовали искусство возделывания почвы, орудия труда, расширяли зону земледелия, шли на край дикого поля, уходили все глубже в северные леса. Споро стучали топоры по всей Руси — это возникали новые села и городки, рубились укрепленные грады. Бурно расцветало ремесло. В Киеве, Чернигове, Переяславле, Новгороде, Ростове, Полоцке и других городах ремесленники создавали разнообразные затейливые изделия. Полнились

рынки рукоделием русских мастеров — древоделов и кузнецов, кожемяков и оружейников, гончаров и серебряников и многих других. Закладывались новые каменные здания, строились княжеские, боярские и епископские дворцы, поражавшие своим великолепием. Десятинная церковь в Киеве, Софийские соборы в Киеве и Новгороде, храм Спаса в Чернигове, Переяславские каменные бани поражали воображение современников. Лучшие из этих построек соперничали с храмами и дворцами Византии.

Все больше продуктов сельского хозяйства и ремесленного производства выносилось на русский рынок и вывозилось за рубеж. В западных хрониках и византийских исторических сочинениях авторы с уважением пишут о русских товарах. Быстро увеличилось в это время и население.

Все эти процессы развивались в сравнительно спокойные для Руси годы. Во второй половине I тысячелетия руссы получили временную передышку от постоянных и губительных нашествий. Русская история VI—IX вв. н. э. представляется сплошной цепью иноземных завоевательных набегов. Начиная с X—VII вв. до н. э. из глубины азиатских степей на ничем не защищенные пространства Восточно-Европейской равнины, в районы Северного Причерноморья, Среднего и Южного Поднепровья и Подунавья выходили орды кочевников, стирая с лица земли поселения, захватывая в плен людей, надолго останавливая развитие производительных сил.

Сначала киммерийцы, потом скифы и сарматы, а в первой половине I тысячелетия н. э. гунны и хазары стали истинным бичом для восточного славянства. И после каждого такого нашествия население уходило из освоенных районов на север, затормаживались общественные отношения. В резуль-

тате развитие восточных славян никак не могло набрать инерцию, которая привела бы к появлению классового общества и государства. Ранние признаки того и другого, замеченные учеными у восточнославянских племен еще в середине I тысячелетия до н. э., так и не нашли своего логического продолжения; восточное славянство оставалось на уровне первобытнообщинного строя, который значительно медленнее, чем на Западе, например у племен франков, лангобардов, англосаксов, германцев, развивался в сторону становления феодального общества.

Лишь с V—VI вв. наступила относительная передышка. Впрочем, и в эти века восточные славяне вели упорную борьбу сначала с аварами и хазарами, с начала X в. — с печенегами, а с 1061 г. — с половцами, но таких ужасных набегов, как, например, нашествия киммерийцев, скифов или гуннов, они уже не знали. К этому времени намного возросла экономическая и военная мощь восточнославянских племен, и борьба с соседями кочевниками хотя и отнимала у них, как и прежде, много сил, но не была такой изнурительной.

Вот в этих-то условиях относительной «тишины» и совершило свой качественный социально-экономический, политический и культурный скачок восточнославянское общество, сравнявшись в своем развитии с другими сопредельными народами и проявив при этом огромную жизнестойкость, этническую нестигаемость, талант к возрождению, упорство в борьбе с завоевателями, терпение и невероятную трудоспособность. На этой основе и взрастало молодое древнерусское государство, первые следы которого мы обнаруживаем на страницах истории еще в VI в., но которое сложилось в своих основных чертах к концу IX в., т. е. в ту пору, когда появились и другие крупные раннефеодальные государственные обра-

зования в Центральной, Восточной и Северной Европе.

Создание мощного древнерусского государства, основывающегося на общем социально-экономическом и политическом развитии русских земель, в свою очередь способствовало дальнейшему развитию сельского хозяйства, ремесла, градостроительства, торговли. Организованные военные силы защищали границы страны от новых вражеских нашествий, охраняли торговые пути, помогали феодалам и купцам захватывать новые земли, выгодные торговые пункты, сокращать торговых конкурентов. Быстрее созревали условия для становления феодального строя, для закабаления крестьянства, ремесленного люда крупными землевладельцами, княжескими дружинниками, церковью, ростовщиками.

Таким образом, первые признаки появления государства на Руси, дальнейшие его шаги и расширение масштабов деятельности говорят о характере развития древнерусского общества, степени его зрелости, международном престиже.

Вы неплохо знаете внутреннюю политику древнерусского государства, знакомы, скажем, с его первыми законодательными памятниками, и в первую очередь с «Законом русским», «Русской правдой», отразившими социально-экономическое развитие древнерусского общества. Мы же расскажем о деятельности государства на внешнеполитической арене. Вам известно, что Русь ходила на Царьград (Константинополь), заключила в X в. с Византией несколько договоров — вот, пожалуй, и всё. Этих знаний, конечно, недостаточно для понимания того международного авторитета, признания Древней Руси, ее широких международных связей, о которых говорилось выше.

Между тем именно в этой области развития древнерусского государства больше всего неясностей, спо-

ров между учеными. И думается, что это не случайно. Дело в том, что именно о внешнеполитической деятельности Древней Руси имеются наиболее ранние письменные свидетельства. И все, кто недоверчиво относится вообще к концепции возникновения государства на Руси в VI—IX вв., естественно, ставят под сомнение эти древние свидетельства. Особенно большую активность в этом отношении проявляли и проявляют буржуазные ученые-норманисты, сторонники теории, согласно которой государство на Руси возникло лишь во второй половине IX в., когда восточнославянские племена призвали себе на правление варяжских князей — Рюрика и его братьев, которых без всякого на то основания объявляют норманнами, шведами. И хотя русские ученые, в том числе и М. В. Ломоносов, и советские историки убедительно доказали, что процесс создания государственности на Руси проходил задолго до призвания варягов, норманисты до сих пор стоят на своем и вновь стремятся доказать в угоду своим антинаучным целям, что все свидетельства о ранних этапах внешнеполитической деятельности Древней Руси — все ее походы, заключенные ею международные договоры — это либо фальсификация древних авторов и в первую очередь летописца Нестора, либо проявление деятельности норманнов, не имеющих ничего общего с восточнославянским Русским государством.

Опираясь на факты истории, советские ученые в своих заключениях основываются на марксистско-ленинском понимании возникновения государства. Возникновение государства, подчеркивали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, определяется не субъективным желанием того или иного князя, а развитием социально-экономических отношений в обществе. И внешнеполитическая функция этого государства, выраженная, в частности, в становлении дипломатической службы, определяется уровнем развития об-

щественных, классовых отношений. Там, где зарождается государство, непременно выявляется его внешнеполитическая деятельность, складывается его дипломатия. С этой точки зрения Русь в своем развитии должна была пройти те же этапы становления государственных органов, дипломатических средств, приемов, традиций, что и другие страны. Именно в период перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу, на этапе «военной демократии» зарождаются войны как социальное явление, заключаются первые «миры», договоры, разного рода соглашения, закладываются основы государственной дипломатической службы. Дипломатическая деятельность в этом случае зарождается как средство закрепления результатов военных предприятий, создания различных международных политических комбинаций для подготовки дальнейших завоевательных походов или для обороны против опасных соперников. И Русь, конечно, не была исключением. Именно в этом — ключ к разгадке тех неясных и спорных текстов, которые норманисты используют для отрицания возникновения самого государства на Руси, а современные советские историки, детально исследовавшие за последние годы этот вопрос, трактуют в качестве неопровержимых аргументов появления признаков русской государственности задолго до пришествия так называемых варягов.

Первые известия о дипломатии восточных славян.

Они относятся к V—VI вв. н. э. и содержатся как в византийских, так и в русских источниках. Любопытно, что именно на это время приходится начало той длительной мирной передышки, которая выпала на долю восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. Гуннское нашествие к этому времени уже прошло. В районах Поднепровья и Подунавья

образовались мощные племенные союзы славянских племен антов, этих предков киевских руссов, и склавинов, которые стали начиная с V в. предпринимать постоянные набеги на владения Византийской империи. Появляются сведения о первых дипломатических шагах антов и склавинов.

К этому времени мир уже знал хорошо разработанную, изощренную дипломатию, которую вызвали к жизни рабовладельческие государства Востока — Египет, Ассирия, Вавилония, Хеттское царство, Персия, позднее — Древний Рим, греческие государства-полисы, Скифская держава. А в I тысячелетии н. э. свой вклад в мировую дипломатию внесли Византийская империя, раннефеодальные государства Европы, Арабский халифат, государства Средней Азии и Закавказья, Хазарский каганат, государственные образования, возникавшие в Причерноморье, Приазовье, на Северном Кавказе.

Первый в истории дошедший до нас мирный договор был заключен в 1296 г. до н. э. между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским царем Хаттушилем III. Это было соглашение о союзе и взаимопомощи между двумя крупнейшими державами Востока.

С тех пор сотни, тысячи миров «вечных» и кратковременных, перемирий, устных и письменных дипломатических соглашений, тайных сговоров заключали между собой различные государства древности и раннего средневековья. Создавались дипломатические обычаи, традиции, разрабатывался дипломатический международный церемониал, появились люди, для которых дипломатия становилась профессией. Из глубокой древности доходят до нас сведения о видных и талантливых послах, о существовании штата переводчиков, об оформлении дипломатических документов. Восточные славяне в пору зарождения своих государств шаг за шагом осваивали ог-

ромный, богатый дипломатический арсенал прошлого, применяя его к собственным потребностям развивающегося государства. Естественно, что на начальных этапах не весь этот опыт был им впору, но по мере развития славянской государственности все новые и новые дипломатические средства и приемы стали осваиваться нашими предками. Они вносили в них и свой собственный опыт, свою сноровку и свои хитрости.

А все началось с первых дипломатических соглашений славян с Византией, которая пыталась мирным путем ослабить давление славян на северные границы империи.

Это было время, когда мощные славянские отряды совершали набеги на Фракию, предпринимали рейды за Дунай, со всех сторон блокировали византийские владения на Балканах. Во время славяно-византийской войны 550—551 гг. славяне даже подступили к Константинополю, позднее они предприняли несколько попыток овладеть византийской столицей.

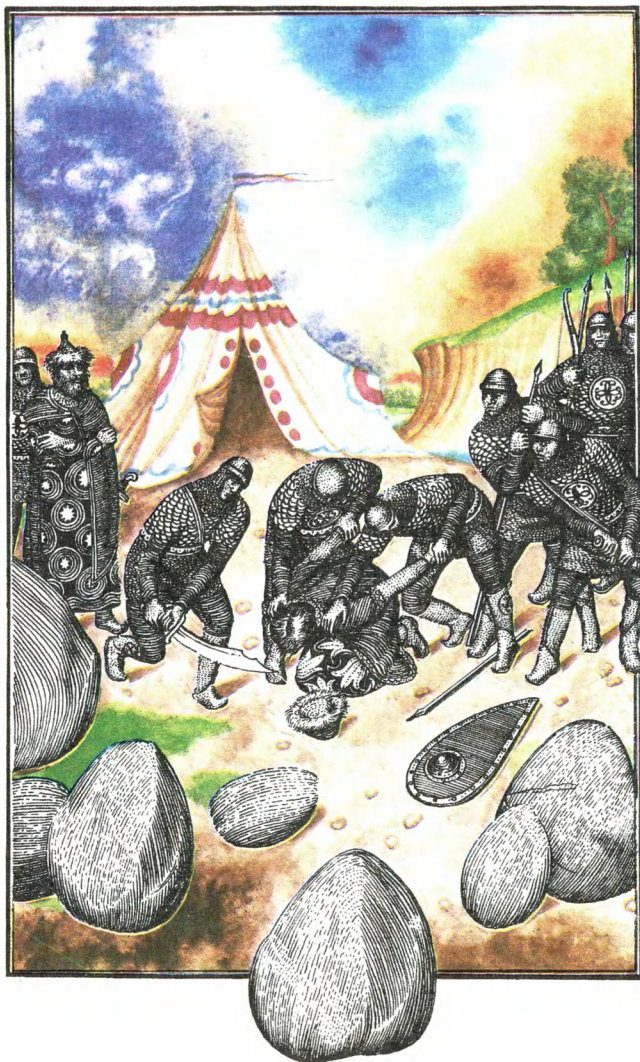
В ответ на это империя использовала для нейтрализации славян дипломатические средства. С ними была заключена серия соглашений, по которым славянам предоставлялись земли по Дунаю, отдавались пограничные опорные поселения, но с условием, что они прекратят свои набеги и будут охранять границы империи от нападения аваров и болгар, пришедших из причерноморских степей. И все же эти соглашения лишь на время ослабили давление славянского мира на Византию.

Славяне не только принимали первых византийских послов, не только сами вели переговоры с видными византийскими сановниками на границах, а возможно и в самом Константинополе, но и учились строить политические взаимоотношения друг с другом. Так, византийский автор Прокопий Кесарий-

ский сообщает о том, что анты и склавины заключили между собой военный союз и сообща действовали против византийских войск. В середине VI в. тот же автор сообщает, что славяне заключили союз против Византии с готами, которые также находились в войне с империей. «Многие подозревали, — отмечает Прокопий, — что Тотила (готский полководец. — А. С.), подкупив этих варваров крупными денежными суммами, направил их на римлян (византийцев. — А. С.), с тем чтобы императору было невозможно хорошо организовать войну против готов, будучи связанным борьбой с этими варварами».

А вот еще одно из ранних византийских свидетельств. Хронист Менандр Протиктор рассказал историю посольства к аварам антского посла Мезамира в 560 г.

То было время отчаянной борьбы антских племен против аварского ига. Славяне боролись за свою независимость и достоинство с опасным и сильным противником. Вспомним, как автор нашей древнейшей летописи — «Повести временных лет» — описывает отношения славян и аваров той поры: «Си же обри (авары. — А. С.) воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамъ дулебскимъ: аще поехати будяше обьрину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обьрина, и тако мучаху дулебы». Против этих порядков не раз восставали славяне, вели с аварами кровопролитные войны. И вот после одной из них в ставку аварского кагана прибыл антский посол для того, чтобы договориться об установлении перемирия, необходимого для выкупа пленных. Видимо, Мезамир был хорошо известен аварским вельможам, потому что они стали уговаривать кагана убить Мезамира и тем самым лишить антов их выдающегося руководителя.

После некоторого раздумья аварский владыка согласился, и Мезамир был зарублен.

Авары грубо нарушили существующую в то время дипломатическую традицию, гласящую, что личность посла священна и неприкосновенна. «Авары, — писал византийский хронист, — уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира». Так трагически закончилась эта первая известная нам славянская посольская миссия. Трудные и опасные пути передвижения, угроза постоянных нападений и ограблений со стороны кочевников, откровенно враждебная среда, в которой оказывался посол, попадая в стан врага, — все это сопровождало первым древним посольским поручениям.

Византийский историк Маврикий Стратег упоминает в своем сочинении о договорах антов и склавинов с соседями, о преподнесении византийцами подарков славянским вождям в обмен на обязательства со стороны славян. Другой автор — Феофилакт Симокатта сообщал, что анты в VI в. стали союзниками римлян (византийцев. — А. С.) в борьбе против аваров.

От VI в. до нас доходят и сведения об уплате византийским императором Юстинианом I больших денежных сумм славянам за обязательства соблюдать мир на границах и за союзную помощь в борьбе против кочевников. Посольства Византии становились нередкими гостями в славянских станах.

Можно сказать еще о двух древних русских известиях, посвященных дипломатической практике древних славян. Правда, они содержатся в «Повести временных лет», памятнике, созданном в начале XII в., но отражают, видимо, предания глубокой древности. Одно из них посвящено переговорам с хазарами и помещено в той части летописи, где речь идет о событиях VI—VII вв. Хазары подступили

к Киевским горам, осадили недавно срубленный Киев и потребовали от полян: «Платите намъ дань». Поразмыслив, поляне направили в лагерь к хазарам своих представителей, где им вручили ответ — «от дыма мечь», т. е. преподнесли врагам символическую дань в виде меча. Это означало готовность к противоборству. Так эту дань и поняли хазары, отступившись от Киева. Конечно, здесь много аллегорического, даже сказочного. Но нас интересует историческая первооснова предания — переговоры между хазарами и полянами.

В другом известии, которое датируется историками концом VI — началом VII в., речь идет о первом полянском князе, основателе города Киева — Кие.

Летописец повествует о том, что Кий, являвшийся князем «в роде своем», «ходил Царюгороду», принял «великую честь» от византийского императора. А затем срубил «градокъ малъ» на Дунае и собирался там «сести с родомъ своимъ». Но местные жители воспротивились, после чего Кий покинул эти места и появился на Днепре, где вместе со своими братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью основал на горах новый город.

Было бы неверно сомневаться в этом известии, считать его легендой, ведь нам известно об отношениях антов и Византийской империи, о том, какое значение придавали в Константинополе расселению славян на Дунайской пограничной линии. Конечно, Нестор не ведал о записях Прокопия Кесарийского или Маврикия Стратега, но что удивительно — он точно воссоздал картину взаимоотношений антского князя с Византией на рубеже VI—VII вв.: визиты антских вождей в Константинополь, их договоры с Византией, их расселение в пограничных районах империи.

Древние руссы. Начиная с VIII в. мы вновь встречаемся в источниках с дипломатической практикой, теперь уже древних руссов. Прежде речь шла об их предках — антах и склавинах. Теперь же в источниках появляется понятие «Русь».

В византийском «Житии» святого Стефана Сурожского, бывшего в конце VIII в. архиепископом в греческой колонии в городе Суроже (нынешний Судак), среди чудес, которые святой Стефан якобы совершил после своей смерти, значится и спасение города от нашествия русской рати. Интересна историческая канва событий: на Крымское побережье обрушилась новгородская рать во главе с князем Бравлином. Рать была «велика», а князь «силенъ зело». Руссы «повоевали» византийские владения в Крыму от Херсонеса до Керчи и «с многою силою» подступили к Сурожу. Десять дней продолжалась осада города. Наконец, проломив железные ворота крепостной стены, руссы ворвались в Сурож и начали грабить его. Бравлин попытался захватить богатства местного храма святой Софии, где располагалась гробница преподобного Стефана Сурожского и находились дорогие ткани, жемчуг, золото, драгоценные камни, сделанная из золота и серебра церковная утварь. Но русского князя постигла неудача. У самой гробницы Бравлин был поражен внезапным недугом: «обратися лице его назад». Он воззвал к помощи священнослужителей-греков, и те сказали ему, что это влияние святого отца, что Бравлин выздоровеет, если выполнит ряд условий, угодных преподобному. Князь отдал приказ прекратить грабеж, вернуть сурожанам отнятое у них добро, отпустить пленных, захваченных во время похода. И тут же лицо его приняло нормальное положение. Пораженный Бравлин решил креститься, и обряд крещения исполнил сам архи-

епископ Филарет, ставший преемником Стефана в Суроже.

Если мы отвлечемся от религиозной канвы событий, то окажется, что между русским князем и верхушкой сурожан во главе с местным архиепископом состоялось соглашение. Смысл его заключался в том, что Бравлин принимал крещение из рук видного византийского иерарха, а взамен возвращал все захваченное имущество и пленников, выводил рать из города. Мы никогда не узнаем, что же на самом деле произошло в Суроже и почему состоялось это соглашение. Среди его условий, в частности, было одно, которое испокон веков присутствовало в договоренностях между воюющими сторонами, — условие об обмене или возврате пленных.

Здесь же, в Суроже, руссы по неизвестным нам причинам заключили договор с местными византийскими властями и ушли восвояси. Впрочем, уж так ли неведомы причины мирной сделки? Мы же знаем о том, что Бравлин крестился и крестил его архиепископ Филарет — лицо историческое. Он занимал здесь архиепископскую кафедру в конце VIII — начале IX в. Поэтому мы вправе предположить, что военные действия были приостановлены руссами в ответ на крещение их предводителя. Это предположение не кажется таким уж странным, если учесть, что в V—X вв. одно за другим принимали христианство языческие, «варварские» европейские государства, к которым относятся франки, англосаксы, болгары, венгры, лангобарды, германцы, чехи, поляки и др. Да и Русь приняла крещение в X в., почти одновременно с рядом европейских стран. Процесс этот был сложен, так как языческие традиции имели глубокие корни в народе. Вместе с тем наиболее дальновидные правители, в том числе и русские, прекрасно понимали, что крещение не только усилит позиции нарождающегося господствующего феодального

класса, приобретавшего в лице новой религии мощную идеологическую опору, но неизмеримо поднимет международный авторитет и престиж самого государства и его владыки. Они входили тем самым в ряд христианских держав, возглавляемых папским Римом и великой христианской империей — Византией, чье политическое влияние в тогдашнем мире было чрезвычайно велико. Престиж и авторитет оказывались тем выше, чем выше уровень проведенного крещения. Вот почему безвестный новгородский князь мог добиваться крещения из рук высокого византийского церковного сановника. В ответ на эту привилегию он готов был остановить военные действия, тем более что русская рать была уже отяжелена награбленным добром. Однако и мотив лечения, если действительно русского князя поразила какой-то недуг, мог сыграть свою роль

Так или иначе, за всем этим угадываются реальные политические события — дипломатическое соглашение между руссами и сурожанами. По существу, от конца VIII в. — начала IX в. мы имеем первое упоминание о дипломатической практике древних руссов.

Поход на Амастриду. От первой трети IX в. до нас доходит еще одна византийская история, в которой участниками дипломатического договора также являются руссы и местные византийские власти. На этот раз события переносятся на южный берег Черного моря.

Русская рать появилась здесь, пройдя путь от Пропонтиды, т. е. от входа в пролив Босфор, вдоль Малоазиатского побережья Черного моря. Она не осмелилась нанести удар по хорошо укрепленному Константинополю и двинулась в Пафлагонию — богатую византийскую провинцию в Малой Азии. Здесь же находился крупный торговый город и порт Ама-

стрида. Пышные постройки, богатые базары, прекрасная естественная гавань притягивали сюда купцов со всего света; являлась Амастрида объектом и для нападения. Здесь было чем поживиться «варварским» дружинам. Вот сюда-то и направили свой путь руссы, взяли штурмом Амастриду, разграбили ее. Затем византийский источник повествует о «чуде», которое произошло, как и в случае с Сурожем, благодаря воздействию чар святого Георгия Амастридского, местного церковного деятеля, умершего за несколько лет до описываемых событий.

В данном случае не нужно гадать о дипломатическом смысле этого «чуда» — в житии Георгия Амастридского прямо говорится, что «устраивается некоторое примирение и сделка их (руссов. — А. С.) с христианами (жителями города. — А. С.)», а потом расшифровывается и понимание этой сделки: руссы прекращают оскорбление святынь и не трогают более «божественных сокровищ», освобождают пленных, предоставляют «вольность и свободу христианам». Что они получают взамен? Об этом источник умалчивает, обращая внимание лишь на чудодейственный характер происшедшего, но нет сомнения в том, что руссы что-то получили.

Таким образом, за весьма короткий срок (20—30 лет) руссы предприняли два крупных похода на византийские владения. Первый пришелся на старинные византийские владения в Крыму, в непосредственной близости от хазарских границ. Второй был осуществлен в самое сердце Византии, на Босфор и вдоль малоазиатского побережья Черного моря. Эти два известных нам первых похода Руси как бы указали последующие основные направления внешней политики древнерусского государства: от устья Днепра на восток в сторону Крыма и Северного Кавказа, на Каспий и на юг — к Дунаю, на Балканы, на Царьград.

В это время очерчиваются контуры первых дипломатических соглашений древних руссов. В ходе своих стремительных набегов они заключали соглашения с местными византийскими властями, добываясь для себя каких-либо определенных привилегий. Это было развитием еще антских дипломатических традиций, что со всей очевидностью говорило о становлении государственных процессов на Руси.

Греки сообщили: рати были русскими. Откуда они приходили, кто их возглавлял? Если под Сурожем, как мы знаем, действовали новгородцы во главе с князем Бравлином, о котором, увы, не сохранилось более никаких сведений, то под Амастридой вовсе неясно, откуда были руссы. Это и дало повод скептикам усомниться в правдивости приведенных сведений и в том, что вторая рать имела какие-то отношения к поднепровской Руси, к Киеву. Ее принадлежность относили к черноморской Руси, к готам, варягам, шведам — к кому угодно, только не к Киеву, хотя совершенно очевидно по археологическим данным, свидетельствам летописи, что к началу IX в. восточнославянские племена, проделав большой исторический путь, вышли на дорогу самостоятельной государственности. Аргументы в пользу поднепровской принадлежности руссов, оказавшихся под Амастридой, следует искать не столько в толковании сведений византийского источника, сколько в общеисторическом развитии русских земель и в первую очередь в военных и дипломатических традициях Руси IX—X вв.

Обращает на себя внимание тот факт, что все последующие нападения руссов и на крымские владения Византии, и на ее малоазиатские провинции начинались именно из Киева. И это были не какие-то мифические черноморские руссы, готы или никому неведомые варяги, а представители нового мощного восточнославянского государства.

Но существуют и иные общеисторические аргументы... В 838 г. в Византии — факт абсолютно бесспорный — в Константинополе появилось русское посольство для того, чтобы вступить в дружеские отношения с империей. Сведения об этом содержатся в германской Бертинской хронике, принадлежащей перу епископа Пруденция. Запись появилась потому, что после визита в Константинополь русское посольство прибыло на земли франков, в их город Ингельгейм и представилось франкскому императору Людовику Благочестивому. Произошло это уже в мае 839 г.

Немецкий хронист сообщил, что византийский император Феофил прислал свое посольство к императору франков, а вместе с ним направил неких людей, «которые говорили, что их народ зовут «рос» и их царь по имени Хакан послал их к Феофилу «ради дружбы».

В своем послании к императору франков византийский владыка просил милостиво отнестись к русским послам, предоставить им возможность вернуться на родину и дать охрану, так как пути, которыми они прибыли в Константинополь, были переняты «варварами», «весьма бесчеловечными и дикими племенами».

События повернулись неожиданно: Людовик расспросил русских послов о причинах их появления на землях франков и узнал, что они являются «свеонами», т. е. шведами. А поскольку шведские отряды совсем недавно нанесли удар по владениям франков, послов заподозрили в шпионаже и задержали до выяснения обстоятельств. В ответном же письме в Византию франкский император сообщал Феофилу, что если послы окажутся невиновными, то он либо отпустит их на родину, либо отправит обратно в Византию.

Дальнейшая судьба русского посольства неизвестна.

Это сообщение вызвало в науке немалые споры. Сторонники норманистской теории ликовали: как же, ведь немецкий хронист ясно записал, что послы были шведами, значит, и Русь была шведской, варяжской. Другие говорили, что раз русский владыка назван Хаканом, т. е. каганом, значит, речь идет о Хазарском каганате. Эти рассуждения сходились в главном — в них не было и намек на Киевскую Русь. Между тем именно растущее поднепровское славяно-русское государство представляли послы в Византии и в Ингельгейме. Шведская национальность послов ни о чем не говорит. И позднее славянскую Русь неоднократно представляли в Византии и других странах лица с варяжскими именами. Что касается титула «каган», то в это время Русь, освободившаяся от хазарского ига, в знак политической независимости также пользовалась этим титулом. Еще в XI в. видные русские средневековые идеологи именовали каганом великого князя Владимира I. Позднее киевские князья присвоили себе титул цесаря, царя, который пришел к нам из Византии.

Посольство в Византию в 838 г. и затем к франкам в 839 г. следует рассматривать в тесной связи со всей международной обстановкой тех лет. Лишь такой подход позволяет правильно оценить его смысл и государственную принадлежность.

Византия в 30-е гг. IX в. потерпела ряд поражений от арабов, в частности в Малой Азии. Непокойно было и на севере. После набегов Руси на Крым и на Амастриду Хазария обратилась к Византии с просьбой построить на Дону крепость Саркел, которая стала бы форпостом против кочевых орд печенегов и Поднепровской Руси.

Конечно, в Византии были весьма озабочены уда-

рами русских ратей по владениям империи. Поход на Амастриду прошел в опасной близости от византийской столицы. В этих условиях появление русского посольства в Византии было вполне закономерным. Империя стремилась обезопасить свои владения от нового сильного противника, договориться с ним о мире после амастридского похода, развязать себе руки в борьбе с арабами.

Именно поэтому император Феофил и писал франкам, что русское посольство пришло к нему «ради дружбы», т. е. утверждения мирных отношений после недавнего военного нападения. Оно с почетом было принято в Константинополе: послы пробыли там всю осень 838 г. и зиму 839 г. и лишь весной с охранным и рекомендательным письмом императора в сопровождении византийского посольства отбыли в Ингельгейм. И это было не какое-то безвестное посольство неведомых шведов, а представительство сильно растущей державы — «народа рос», в дружбе с которой была заинтересована Византийская империя. Да и к франкам русские послы, бывалые варяги, видимо хорошо знавшие иностранные языки, явились с определенным намерением — вступить в дружеские отношения между пославшим их государством и франками: мужавшая Русь выходила на международную арену и искала внешнеполитические контакты.

Поход на Константинополь

Первая осада. 18 июня 860 г. изумленная и испуганная византийская столица закрывала свои ворота: со стороны крепости Иерон сушей, а также морем в ладьях по глади пролива Босфор к ее стенам приближалась огромная и неведомая армия. Пришельцы высаживались на берег и тут же уст-

ремлялись вперед, надеясь взять внезапным штурмом почти беззащитную византийскую столицу. То было русское войско, которое скрыто приблизилось к византийским границам и ударило на Константинополь в тот момент, когда византийские войска во главе с императором Михаилом III ушли на встречу арабам в Малую Азию. В те же дни греческий флот отплыл к острову Крит на борьбу с пиратами и в распоряжении патриарха Фотия и патрикия Никиты Орифы, оставшихся во главе города, были небольшое количество вооруженных воинов и старые, уже вышедшие из употребления суда. Приходилось рассчитывать лишь на мощь константинопольских стен.

Так после нападений на владения Византии в Крыму и Малой Азии, после перемирий с местными византийскими властями, установления отношений дружбы с Византией в 838 г. Русь предприняла первый грандиозный поход на Константинополь и возвестила миру о своем политическом и военном рождении.

Все эти события происходили задолго до так называемого призвания варягов; атака Константинополя была осуществлена за два года до появления летописных Рюрика и его братьев в русских землях.

Для современников не осталась незамеченной внезапность атаки византийской столицы. Летописцы были убеждены, что руссы провели предварительную политическую разведку и превосходно знали положение дел в империи. Это подтвердили и греческие источники. В своей первой проповеди, произнесенной в храме святой Софии и посвященной нашествию «россов», патриарх Фотий также говорил: «Неожиданное нашествие варваров не дало времени молве возвестить о нем, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности».

А события под стенами Константинополя разви-

вались стремительно. Руссы обложили столицу со всех сторон, блокировали ее с моря и с суши. Император Михаил с большим трудом пробрался в осажденный город и возглавил его оборону. Первую ночь он провел в моленьях, распростершись ниц в одежде простолюдина на плитах Влахернского храма. По всему городу проходили моления и плакания. Тем временем руссы опустошили окрестности Константинополя, разграбили селения и монастыри.

Неделю провели руссы под стенами Константинополя. А ровно через неделю сняли осаду, погрузились в свои корабли и уплыли на север. Патриарх Фотий говорил, что «город не взят по их (русов. — А. С.) милости».

Что же это была за милость, на которую согласились руссы? Последующие события раскрывают причины снятия осады.

Уже на исходе недели начались переговоры между осаждающими и осажденными. Дело шло к мирной сделке. Греческий современник событий сообщал, что «начальник стольких тех народов для утверждения мирных договоров лично желал его (императора. — А. С.) видеть».

Видимо, переговоры были проведены видными сановниками обеих сторон, а мирный договор был утвержден императором и вождем руссов. Мы не знаем его содержания, однако предполагаем, что именно по этому договору руссы сняли осаду и ушли восвояси, но не пустые, а, как говорил Фотий в своей второй проповеди, уже после ухода руссов, с огромными богатствами. Это мог быть выкуп, который они взяли с Византии, но эта могла быть и добыча, которую уносили с собой нападавшие. А скорее всего здесь было и то и другое.

На этом история не кончилась. Византийские источники говорят о том, что спустя некоторое время после ухода русской рати в город явилось рус-

ское посольство. В биографии следующего за Михаилом III императора Василия I Македонянина (созданной в X в.) сообщается: «И народ россов, воинственный и безбожный, посредством щедрых подарков золота и серебра и шелковых тканей Василий привлек к переговорам и, заключив с ними мирный договор, убедил сделаться участниками божественного крещения и устроил так, что они приняли архиепископа». Уже знакомый нам патриарх Фотий также писал в своем послании архиепископам, что руссы «променяли эллинскую и безбожную веру», т. е. язычество, на христианство и вошли в число «друзей» империи.

Дипломатическое признание Руси. Руссы впервые в своей истории провели переговоры с Византией на государственном уровне, и не где-то в провинции, в далеком Суроже, а в самой византийской столице, с видными сановниками и императором. Итогом этих переговоров стало заключение между Русью и Византией мира, или, как говорили в те времена, договора «мира и любви», когда стороны прекращали военные действия и вступали в дружественные отношения. Византия тем самым добилась покоя на своих северных границах, продолжая войну с арабами. Но что получила Русь? Несомненно, что самым большим завоеванием стало официальное признание ее Византийской империей. Это было подлинное дипломатическое признание молодого государства. И не случайно наш знаменитый древний летописец Нестор записал, рассказывая о царствовании византийского императора Михаила III: «... начая прозывати Руска земля. О семь бо уведохомъ (узнали. — А. С.) яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в летописаньи гречьстемъ». Нестор считает, что Русская земля, Русь как государство стала известна именно со времени

этого похода на Константинополь, который дал ей мировую известность. Договор «мира и любви» увенчал военную победу Руси дипломатическим межгосударственным соглашением с великой империей.

Сам по себе подобный договор не был исключением в тогдашнем мире. Такие «признания» вырывали у Византии Хазария, Аварский каганат, Болгария и другие вновь образующиеся государства. Теперь наступила очередь Руси. Конечно, мы не сможем сказать, что именно в это время образовалось Русское государство. Процесс был сложным и длительным, но если бы нам потребовался четкий ориентир, то мы могли сказать вслед за нашим летописцем: 860 год стал знаменитым в русской истории. Именно с этого года новое государство вышло на международную арену.

Но руссы не просто добились признания у Византии; они вновь настояли на том, чтобы Византия крестила Русь и послала в Киев своего архиепископа. Для неизвестной ранее державы это была большая дипломатическая победа: ведь акт крещения стал частью межгосударственного русско-византийского соглашения.

Византия в свою очередь стремилась, как и в отношениях с другими государствами, чтобы крещение Руси стало политическим средством воздействия на своего нового союзника. Однако следы этого крещения быстро затерялись на дорогах истории. Аскольд и Дир, которым русская летопись приписывает руководство походом на Константинополь, были впоследствии убиты князем Олегом. Язычество торжествовало победу.

В это время Русь интересовали не только престижные вопросы, но и прямые экономические выгоды. Договоры «мира и любви» обычно предусматривали свободный доступ на рынки обоих партнеров —

купцов, обмен посольствами, т. е. установление нормальных политических и экономических связей между государствами. Через 50 лет в договоре Олега с Византией слышится отголосок этого пункта соглашения 860 г. В договоре 911 г. упоминается: «...егда ходим в Греки или с куплею, или въ солбу...», т. е. «когда приходим в Греческую землю для торговли или посольством...» Посольские и торговые контакты были, видимо, оговорены в договоре начала 60-х гг. IX в.

И еще одно любопытное условие просматривается в этом первом крупном дипломатическом соглашении Древней Руси. В середине 60-х гг. русская рать нанесла удар по Каспийскому побережью в районе города Абесгун, по землям некоего Хасана ибн-Зайда, вассала Арабского халифата. Тем самым ставился под угрозу тыл арабских армий, ведущих наступление на Византию со стороны Малой Азии. Ученые справедливо считают, что в этом случае Русь вполне могла выполнить свои союзные обязательства по отношению к Византии, о которых стороны договорились все в том же соглашении. К тому же Русь могла преследовать этим нападением и собственные цели — овладеть добычей в богатых торговых районах Прикаспия и обеспечить своему купечеству пути на Восток.

Поход Руси на Константинополь в 907 г. и новый этап русской дипломатии

Поход Олега на Византию. После бурных событий 60-х гг. IX в. Русь на некоторое время отступает в тень. Не слышно ее голоса на международной арене. Молчит ее дипломатия. Но Русь не замирает; идут бурные социально-экономические процессы, развивается древнерусская государственность. Имен-

но после 860 г. объединяются в политическое целое север и юг страны — новгородская и киевская земля. Создается политическое ядро восточнославянских земель, к которому одно за другим присоединяются племенные союзы иных восточных славян.

Эти события были связаны с походом Олега на юг. Двигаясь из Новгорода во главе большого войска, состоявшего из варягов, новгородских словен, кривичей и неславянских воинов — мери, веси, чуди, он захватил Смоленск, Любеч и появился под Киевом. Княжившие там Аскольд и Дир были убиты, и Олег остался в Киеве, сделав его центром своего государства. «Се буди мати градомъ русскимъ», — будто бы заявил он. Об этом сообщает «Повесть временных лет». В дальнейшем Олег присоединил к себе земли древлян, северян, радимичей и, таким образом, объединил под властью Киева все основные русские племенные союзы. Он освободил северян и радимичей от платы дани хазарам. Лишь вятичи, не вошедшие в состав Руси, продолжали находиться в зависимости от Хазарского каганата.

Таким образом, не только решались внутривосточные задачи объединения восточнославянских племенных союзов в единое Русское государство, но и шел процесс освобождения русских земель от иноземного ига, креп государственный суверенитет Руси.

В это же время для дальнейшей стабилизации международных позиций Руси молодому единому государству пришлось заключить два дипломатических соглашения: одно — с варягами, другое — с венграми.

Варяги — жители южных берегов Балтийского моря, возможно, славянского происхождения, как доказывают некоторые отечественные, в том числе

и советские, историки, ближайшие соседи новгородских славян, чуди, веси и других северных племен — издавна нападали на новгородские земли и даже возложили дань на новгородских славян. Однако затем варяжское засилье было сброшено, дань ликвидирована. Но, согласно летописи, в славянских землях начались междоусобицы, что привело к тому, что новгородцы послали к соседям гонцов с просьбой прислать им князя, так как в их земле нет «наряда», идет смута. В так называемой Иоакимовской летописи, сведения которой отразились в труде историка XVIII в. В. Н. Татищева, указывалось, что призвание новгородцами князя со стороны объяснялось династическим кризисом, отсутствием наследника у умершего новгородского князя и обращением новгородцев к его родственникам из прибалтийских славян. Не вдаваясь в смысл легенды о «призвании» варягов, заметим, что и позднее приглашение князя со стороны оставалось новгородской традицией. Князь командовал войском, охранял земли Новгородского княжества. Нет никакого сомнения в том, что государство зародилось здесь задолго до призвания варягов. Вспомним, что новгородцы во главе с Бравлином ходили на Херсонес и Сурож еще в IX в.

Рюрик, а затем Олег, видимо, содействовали стабилизации власти в новгородских землях. В 882 г. Олег объединил Новгород и Киев.

Но варяги не отказались от набегов на северо-западные русские земли, и тогда, чтобы превратить опасных соседей в союзников, Олег заключил с ними договор. В «Повести временных лет» сообщается, что Олег «устави», т. е. наказал, Новгороду давать варягам ежегодную дань в 300 гривен «мира деля», Русь предоставляла им эту дань вплоть до смерти Ярослава Мудрого, т. е. до 1054 г. Без малого 150 лет откупалась Русь от воинственных соседей.

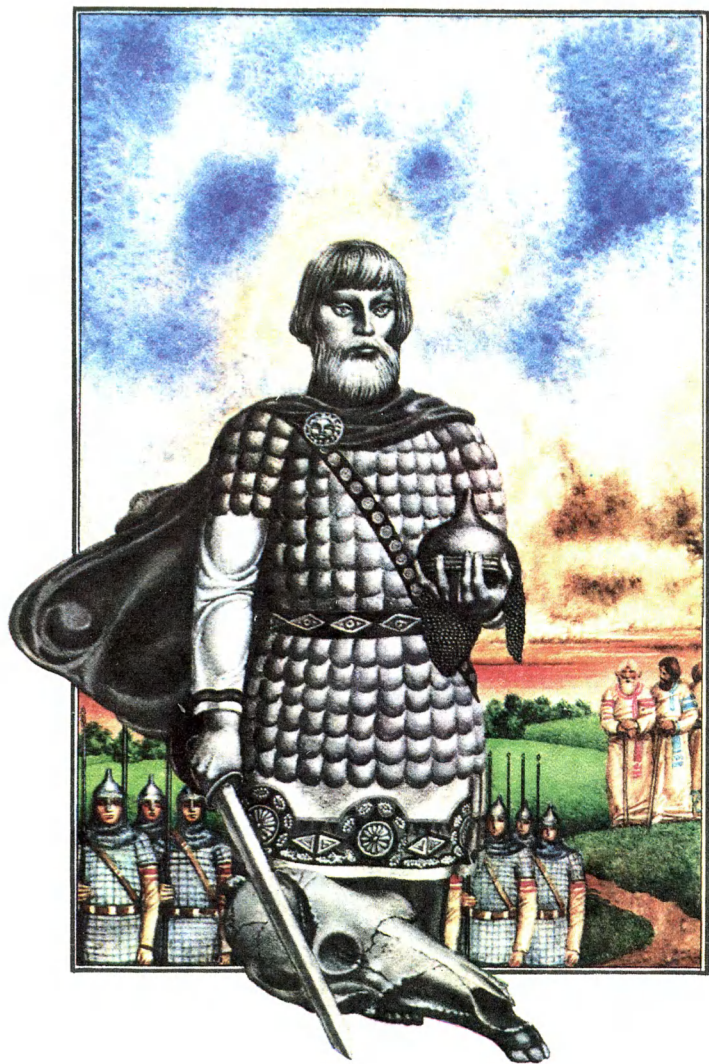
Такого рода «мир» был вполне в духе времени. И вовсе не обязательно, чтобы слабейший платил сильнейшему. Порой и Византия, и Арабский халифат, и Персия — эти могущественные государства раннего средневековья — выплачивали регулярные дани своим соседям, чтобы обезопасить свои границы от их набегов. Вспомним, что еще в VI в. византийский император Юстиниан I выплачивал славянам большие суммы денег за покой на своих северных границах.

Но не только мир покупался таким образом, но и союзная помощь. И в данном случае есть основание думать, что варяги с этих пор стали постоянными союзниками Руси в ее военных предприятиях. Они ходили на Константинополь с Олегом и Игорем. Их постоянно призывали русские князья в минуты опасности.

Ставя перед собой масштабные государственные задачи, борясь за объединение русских земель, готовясь к продолжению и развитию международной деятельности, русские правители обеспечивали себе спокойный тыл, что тоже было определенной дипломатической мерой.

Вынужденный договор. На исходе IX в. князь Олег заключил еще один дипломатический договор.

В 898 г. под Киевом появились кочевые орды венгров, или угров, как называет их русская летопись. Венгры подошли к Днепру и стали «вежами», т. е. раскинули здесь свой укрепленный лагерь. Иных сведений о событиях под Киевом летописец не приводит: он их либо не знает, либо не хочет о них сообщать. Но в сохранившихся венгерских источниках приоткрывается эта таинственная завеса и становится ясной причина молчания русской летописи, отражавшей, как правило, версию событий со своей точки зрения.

Неизвестный венгерский автор XI в. рассказывает, как, двигаясь на запад, кочевья венгров дошли до киевских земель и «захотели подчинить себе королевство Русов». Русский князь (а княжил в это время в Киеве Олег) решил дать им бой, выступил навстречу врагу, но был разбит войсками венгерского вождя Альмоша. Воины Альмоша преследовали руссов вплоть до стен Киева, где и заперся Олег. Этим сведениям мы можем доверять, потому что и русская летопись говорит о появлении врага под стенами Киева. Трудно себе представить, чтобы венгров подпустили так близко, не вступив с ними в сражение. Далее хронист сообщает, что венгры «подчинили себе землю Русов», хотя из самого текста ясно лишь, что речь идет о типичных действиях завоевателей в чужой стране, а не о долговременном владении краем: венгры разграбили близлежащие земли, забрали много добычи, а затем пошли на приступ киевских стен. Руссы запросили мира, и их посольство явилось в лагерь Альмоша.

Венгры потребовали заложников, уплаты ежегодной дани в 10 тыс. марок, предоставления им продовольствия, одежды и других необходимых вещей. Руссы же выставили свое условие: венгры должны покинуть русские земли. На этом стороны и сошлись. Венгры ушли на запад, а Русь, видимо, продолжала выплачивать им дань. Это предположение основывается на том, что в последующие десятилетия Русь и Венгрия неизменно оказывались союзниками и вместе нападали на Византийскую империю.

Обезопасив свои границы на северо-западе, замирив кочевников-венгров, договорившись о военном союзе и с варягами, и с венграми, объединив русские земли, Олег приступил к осуществлению вождь-цели русских князей последних десятилетий — утверждению международного авторитета Русского государства, повышению его международно-

го престижа, отстаиванию интересов нарождающегося класса феодалов и богатого купечества во внешней политике страны.

И вновь взоры русского князя обращаются к Константинополю. В 907 г. «Повесть временных лет» сообщает, что Олег предпринял новый грандиозный поход на византийскую столицу. Он вел с собой варягов, словен, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, хорватов, дулебов, тиверцев, вятичей, а также иноязычные народы — чудь и мерю. Рать шла «на конех и на кораблех», т. е. и морем, и сушей. Что касается моря, то здесь все ясно: корабли Олега плыли вниз по Днепру, затем выходили в Черное море и двигались вдоль его западного побережья в сторону Босфора. Это был обычный путь русских ратей и купеческих караванов. Что касается конницы, то она могла пройти к стенам византийской столицы лишь по территории Болгарии, где правил в эти годы могущественный владыка — царь Симеон Великий. Как же могло случиться, что руссы нарушили суверенитет Болгарии? Думается, что все здесь было гораздо сложнее: Олег шел на Византию, уже заручившись поддержкой Болгарии, договорившись с Симеоном о беспрепятственном пропуске русского войска.

В ту пору Болгария вела с Византией долгую и изнурительную борьбу. Едва вступив на престол в 893 г., Симеон начал против империи военные действия, добиваясь приращения своих территорий за счет византийских земель на Балканах, стремясь утвердить привилегированное положение болгарского купечества на византийских рынках. В 904 г. обе стороны заключили мир, который не был прочным. Болгария готовилась к продолжению борьбы, а Византия с трудом отбивалась от наседавших со всех сторон арабов. В 907 г., в год нападения руссов, основные войска империи ушли на борьбу с араба-

ми. Столица была практически беззащитна. В ней зрел заговор против существующего правительства. Вот этот-то благоприятный момент и выбрал Олег для нападения. Ученые считают, что Болгария тайно помогала Руси, пропустила по своей территории ее войска, предоставила руссам необходимую информацию. А это значит, что между Болгарией и Русью в это время был заключен тайный союзный договор.

Каковы были причины нападения руссов на Константинополь? Чего добивались они своим походом? Это лучше всего будет видно из последующего русско-византийского договора 907 г., но уже сейчас можно сказать, что триумф 860 г. стал забываться. На русском престоле появились другие лица; сошли с политической арены Византия и те, кто заключал с Русью невыгодный для империи мир, по которому руссы оказались, по существу, победителями. Возможно, что византийцы стали нарушать его условия, особенно в части привилегий русским купцам. Возможно, что новым победоносным походом Олег хотел возвысить свою власть, международный престиж Русского государства. Не последнее место в этих расчетах занимала и добыча.

Поход проходил успешно. Ослабленный отсутствием войск, Константинополь не сумел оказать должного отпора руссам. Греки лишь успели замкнуть гавань цепью и преградить русским ладьям подход к самым стенам города. Сначала русская рать опустошила пригороды столицы, забрала огромные богатства, пленных, а затем, согласно летописи, ладьи были поставлены на колеса и направлены к городу, т. е. суда двигались на катках и могли прикрывать от стрел наступающих русских воинов. Греки не выдержали натиска руссов и запросили мира.

Подробно и красочно описал русский летописец ход переговоров, выработку условий нового русско-византийского договора. Вначале Олег потребовал

баснословную сумму контрибуции — по 12 гривен на человека. А всего в русской флотилии было 2000 кораблей и в каждом по 40 воинов. Итого требовалось уплатить 960 000 гривен серебра. Лишь в этом случае Олег шел на перемирие. Греки согласились. Хотя, как считают ученые, во всей империи, наверное, не нашлось бы такого количества драгоценного металла. Тогда русский князь приказал своим воинам остановиться и начал «миръ творити» с греческими императорами — Львом VI и его братом и соправителем Александром, т. е. пошел на переговоры о мире.

В Константинополь отправились, как сообщает летопись, пять русских послов — Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав и Стемид. Впервые после погибшего антского посла Мезамира славянские послы упомянуты по именам. Некоторые из этих имен нерус-

Поход руссов в ладьях
«на колесах»

ского происхождения. Но этот факт относится все к той же категории явлений, когда бывалые иноземцы привлекались на службу молодым государством, где, по существу, не было опытных кадров, особенно в области международных контактов. Здесь требовалось знание чужеземных языков, навыков вести переговоры, умение оформлять дипломатические документы. И варяги, бывшие в окружении Олега, вполне годились для этих целей. Итак, Карл был первым известным нам главой русской посольской миссии: по обычаю тех лет руководитель посольства упоминался в начале списка.

Основным требованием русского посольства в Константинополе стало требование об уплате Византией дани Руси: Олег наказал послам сказать грекам: «Имите ми ся по дань». Будучи в безвыходном положении, греки согласились и с этим тре-

бованием. Но переговоры продолжались. Греки, дав вначале общие обещания, приступили к торговле, спросили русского князя через послов: «Чего хочещи, дамы», т. е. дадим, сколько ты запросишь, хотя первоначальная сумма была уже названа.

И тут в ходе переговоров было окончательно сформулировано условие о выплате Руси византийцами денежных платежей. Конечно, уже не было и речи о сумме в 1 млн. гривен серебра. Разговор пошел о вещах вполне реальных. «И заповеда Олег, — говорится в «Повести временных лет», — дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь (на уключину. — А. С.) и потом даяти уклады на рускыя грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтескъ (Полоцк. — А. С.), на Ростов, на Любечъ и на прочаа города; по тем бо городомъ сядяху (сидят. — А. С.) велиции князи под Олгом суще (подчиняющиеся Олегу. — А. С.)». На этом стороны и согласились.

Таким образом, вместо первого требования непо-

мерной дани-контрибуции Олег выдвинул другое, которое, видимо, удовлетворяло и руссов, и греков. Условие выплаты контрибуции оставалось, но сумма была значительно снижена — вместо 12 гривен на каждого воина уплачивалось по 12 гривен на уключину, на весло, за которым сидело по несколько человек. Зато русские послы добились права на уплату Византией Руси ежегодных денежных «укладов» — дани.

Наконец-то Русь получила от Византии ту же высокую привилегию, которой пользовались и другие соседи и союзники империи. Константинополь платил ежегодные денежные дани в свое время Аварскому каганату, Хазарии, затем стал платить Болгарии, некоторым другим странам. Разными причинами объяснялись эти выплаты. Болгария в конце VII в. вырвала это условие силой, и с тех пор Византия, правда с перерывами, которые вызывали новые военные конфликты, уплачивала дань болгарам. У Аварского каганата таким путем покупалось в свое

время спокойствие на византийских границах, у Хазарии — союзная помощь. И не только Византия строила свои отношения с соседями на условиях выплаты ежегодных денежных даней. Подобного рода договоры заключали между собой и другие государства. Так, германский король Генрих I в середине X в. выплачивал Венгрии ежегодную денежную дань за условие не нарушать мира на германских границах. И едва Германия отказалась выплачивать дань, как венгры организовали нападение на земли Генриха I.

Эту традицию взаимоотношений между странами уже освоила и Русь: она сама ежегодно выплачивала дань варягам за мир на своих северо-западных границах, откупилась такой же данью от нашествия венгров в конце IX в.

Теперь же настало время Руси диктовать свои условия Византии, и в основе их лежал победоносный поход русского войска на Константинополь. Русь отныне не только была признана Византией, но и поднялась на совершенно новый уровень отношений. Условия нового договора как бы ставили ее в один ряд с крупными державами второй половины I тысячелетия н. э. Теперь уже Византия уплачивала Руси дань.

Забегая вперед, скажем, что все последующие конфликты Руси с Византией, войны между ними во многом происходили оттого, что империя, пользуясь тем или иным поводом, отказывалась платить дань, а Русь стремилась заставить ее выполнять прежние обязательства.

Византийский хрисовул. Послы Олега в Константинополе в ходе напряженных переговоров договорились о возобновлении между странами мирных отношений, добились выплаты империей контрибуции и дани. Но это еще не все. Наряду с традиционными

ми для отношений между различными странами условиями мира Русь выговорила у Византии и другие пункты нового договора, причем они были оформлены в виде жалованной грамоты императоров Византии Руси — таков уж был порядок заключения Византией договоров с другими странами, договоров, даже невыгодных империи. Они все равно облекались в форму пожалования — империя никак не могла отказаться от своего первенствующего политического положения в окружающем ее «варварском» мире. А для «варваров» важна была суть дела. Не пришло еще время для того, чтобы они дали бой византийским дипломатам и по части формы дипломатических документов.

В жалованной грамоте, которая в Византии называлась хрисовулом, говорилось о том, что русские послы, приходя в Константинополь, имеют право требовать посольское содержание «елико хотячи», т. е. столько времени, сколько им потребуется. Что касается самого содержания, то оно было точно определено византийским дипломатическим ведомством в соответствии с принятыми правилами. Заметим, что в Византии с момента пересечения ее границы иностранные посольства брались на содержание империи вплоть до отбытия в свою страну. Обычно определялись и сроки пребывания послов в Византии. Иногда в договорах между различными странами подчеркивалось, что сроки пребывания посольств должны быть короткими, строго необходимыми для завершения дела. Руссы же добились для себя бессрочного содержания, что, возможно, было связано с трудностями длительного пути, а также невозможностью за одну навигацию уладить все необходимые дела. Им приходилось задерживаться в Византии и на зиму, а возвращаться лишь следующей весной.

Русским купцам было позволено брать месячину,

т. е. помесячное содержание в виде хлеба, вина, мяса, рыбы, фруктов в течение шести месяцев, т. е. на период одной навигации, в весенне-летне-осенний период. Если первый торговый караван мог появиться на Руси в конце апреля — начале мая, то в октябре — не позже — купцы должны были отбывать из пределов Византийской империи. Зато и им, и послам предоставлялось право вволю пользоваться византийскими банями («И да творят им мовь, елико хотят»). Греки пошли навстречу руссам в их пристрастии к баням, о котором уже в те времена сообщали византийские и восточные авторы. Кроме того, русским караванам предоставлялись на обратную дорогу по необходимости корабельные снасти, еда.

Дипломатические и торговые отношения между Русью и Византией прочно входили в русло международных традиций; договор отражал и насущные интересы русского купечества.

Свои требования выставили руссам и греки. Если руссы приходили в Византию «бес купли», т. е. не для торговли, то им купеческое содержание — месячина не предоставлялась. Придя в город, все пришельцы из Руси должны были селиться на русском подворье, около монастыря святого Маманта. По приезде их должны были переписать императорские чиновники, выяснить, кто с какими целями прибыл и кому полагается купеческая месячина, а кому нет. В Константинополь руссы должны были входить лишь через одни ворота, без оружия, в сопровождении императорского чиновника: греки боялись, как бы русские вооруженные отряды хитростью не захватили город; тем более что такие факты случались: франки, болгары, турецкие пираты при помощи разных хитростей в IX—X вв. не раз небольшими силами овладевали крупными городами.

И еще одно условие выставили греки: «да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси zde,

да не творять пакости в селех в стране нашей». Это последнее ограничение ясно показывает, в какую сторону были направлены заботы греков: они стремились поставить руссов в Византии в определенные рамки законности, предотвратить их бесчинства на пути к Константинополю, ведь русские караваны были многочисленны и хорошо вооружены.

В конце жалованной грамоты руссам предоставлялось право беспошлинной торговли в Византии: «да творять куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта (пошлин. — А. С.) ни в чем».

Этот пункт договора был исключительно важен для русского купечества. Беспшлинная торговля была мечтой всех купцов мира во все времена. С неохотой предоставляли это право страны друг другу, и то либо под военным давлением, либо в силу каких-то особых причин. Так, Иван Грозный, стремясь укрепить торговые контакты с западными странами через порты Белого моря, предоставил беспошлинную торговлю в России английским купцам, первым появившимся в XVI в. на русском Севере.

В 907 г. это право было добыто победоносным походом русской рати под Константинополь.

В соответствии с тогдашними международными традициями переговоры завершились встречей Олега с византийскими императорами Львом VI и Александром. Императоры «миръ сотвориша со Олгом, имше по дань и роте заходивше межы собою, целовавше сами крестъ», т. е. договорившись о мире и согласившись выплачивать руссам дань, дали клятву (роту) и целовали по христианскому обычаю крест в знак верности заключенному соглашению.

Олег, согласно русскому обычаю, также дал клятву на верность договору: и он и его мужи «по Рускому закону кляшася оружием своим, и Перуном богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ».

В заключение церемонии Олег повесил свой щит

на воротах Константинополя в знак мира. Эта традиция была весьма распространенной у народов Восточной Европы. Наш летописец почему-то считал, что свой щит Олег водрузил на константинопольских воротах в знак победы. Простим древнему автору это небольшое увлечение, вызванное глубоко патриотическими намерениями.

Договор 907 г. открыл новый этап в истории древнерусской дипломатии. Русь впервые перешагнула рубеж, отделявший, пусть и сильную, «варварскую» державу от «цивилизованной» империи. В прошлом остались полевые миры, клятвенные устные соглашения IX в. На сей раз Русь не только встала вровень с другими крупными державами того времени в своих отношениях с Византией, но и превзошла их тем, что подробно, в виде письменного документа детализировала суть этих отношений — политическую и экономическую.

Договор 907 г. на долгие годы (обычно такие миры, называвшиеся глубокими, государства заключали на 30 лет) заложил фундамент отношений между двумя странами. Но характеристика договора будет неполной, если мы не обратим внимание на последующие союзные действия Руси и Византии на Востоке.

Еще применительно к 60-м гг. IX в. была замечена связь между русско-византийским договором «мира и любви» и действиями русской рати в Закавказье, ударившей по вассалам Арабского халифата. Теперь это повторилось. В 909—910 гг. состоялся новый поход русской рати на Восток, направленный против Юсуфа ибн-Абу с-Саджа, наместника багдадского халифа в Южном и Юго-Западном Прикаспии, а также против Саманидов — владетелей Мавераннахра, Хорасана и Табаристана, бывших вассалами халифа. Вполне вероятно, что дань, которую выплачивали византийцы Руси,

шла и в уплату союзнических действий руссов на Востоке. Но пока это предположение. Последующие факты поставят его на прочную документальную основу.

Новое соглашение. Прошло четыре года, и древнерусская дипломатия обогатилась еще одним выдающимся дипломатическим памятником, на сей раз письменным русско-византийским договором.

За это время между Русью и Византией не произошло никакого военного конфликта; русская летопись вообще молчит о каких-либо событиях в 908—912 гг., а потом вдруг под 912 г. летописец записал: «Посла мужи свои Олегъ построить мира и положить ряд межю Русью и Греки...» А далее изложил новый письменный договор, имеющий точную дату — 2 сентября 911 г.

Причину нового соглашения, которое говорит о большой дипломатической активности Руси в это время, мы находим в самом летописном тексте. Олег собирался «построить» мир, т. е. усовершенствовать его, и «положить» ряд между двумя странами. А ниже в самом договоре расшифровываются эти понятия: посольство было послано в Константинополь «на удержание и на извещение от многих лет меж хрестьяны (греками. — А. С.) и Русью бывшую любовь»; было решено укрепить эту «любовь» «не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою», т. е. стороны посчитали необходимым договор о «мире и любви», заключенный в 907 г. устно, теперь положить на пергамен, сделать его письменным документом. Что касается «ряда», то договор вполне проясняет причину его выработки. После закрепления в письменном виде идей мира и дружбы между двумя странами договор продолжается перечислением конкретных пунктов, в которых отражено дальнейшее совершенствование отношений между

подданными обеих стран. Об этих пунктах там сказано: «А о главах, аже ся ключит проказа, урядимъ ся сице», т. е. стороны урядились, выработали «ряд» по всем возникающим спорным вопросам, различного рода злодеяниям. Видимо, за истекшие четыре года бурно развивались торговые отношения между странами: немало руссов побывало в Византии, немало греков посетило Русь — и выяснилось, что эти поездки таят в себе массу возможных казусов, противоречий и даже уголовных преступлений. Новый «ряд» указывал путь для решения основных возникающих спорных вопросов.

Конечно, такие соглашения не заключаются без предварительной договоренности. Так и здесь: прежде чем русские послы появились в Константинополе, между русскими и византийскими дипломатами состоялась предварительная встреча, о чем говорят

начальные слова: «Равно другого свещения, бывшаго при тех же царьхъ Лва и Александра», т. е. текст договора представлен в соответствии с другим совещанием, которое состоялось при императорах Льве VI и Александре, правивших на византийском престоле вдвоем до июня 911 г., когда к ним присоединился также объявленный императором малолетний сын Льва VI — Константин. Кстати, в самом тексте договора, который был заключен в сентябре 911 г., упоминаются уже все три византийских императора.

Такого рода предварительные встречи для выработки проекта нового договора практиковались уже во второй половине I тысячелетия. Кроме русско-византийских письменных договоров известен еще один письменный развернутый договор, заключенный Византией с другой державой, — это договор с Персией 562 г. Проект его тоже вырабатывался во время

предварительных встреч представителей двух государств, и лишь затем состоялась специальная посольская конференция, на которой и был составлен окончательный текст договора.

Итак, русские послы в который раз двинулись в Константинополь для выработки нового «Мира—ряда». В начале договора приводятся полностью их имена — пятнадцать человек, и среди них наши старые знакомые Карл, Фарлоф, Вельмуд, Рулав и Стемид. Причем Карл снова идет первым, а это означает, что он и на этот раз был главным, первым послом, а Стемид замыкает список, как и в 907 г. Там он упоминался последним, пятым, и здесь также стоит последним, пятнадцатым. Эти детали указывают, что уже в это время на Руси, как и в других странах, появились, как бы мы сегодня сказали, кадровые дипломаты. Карл уже не в первый раз встает во главе русского посольства. Не исключено, что он участвовал и в предварительных переговорах относительно «мира—ряда». А Стемид, вероятно, был либо писцом, либо переводчиком, во всяком случае занимал в составе посольства самое низкое положение.

Послы гордо заявили в Константинополе (и это нашло отражение в первых словах договора), что они представляют всю Русскую землю: «Мы от рода рускаго... иже посланы от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь, и его великихъ боярь...» Если раньше в применении к прежним временам можно было спорить, что это за Русь представляли неведомые послы, то теперь все сомнения исчезают: посольство направлено сильным и известным государством. Этот факт проливает свет и на прежние посольства. Несомненно, между ними протянута единая непрерываемая нить — с каждым десятилетием о государстве Русь появляется все больше сведений, все громче

звучит его голос на международной арене. Вся Русь имеется в виду в этих словах, потому что вассалы Олега сидели и в Чернигове, и в Переяславле, и в Ростове, и в Полоцке, и в других городах. Но Русь княжеско-боярская. Перед нами впервые звучит полноправное представительство единого Русского государства, объединившего почти все основные восточнославянские племенные конфедерации — княжества.

Громко и торжественно, впервые в письменном виде провозглашают два государства свою приверженность «миру» и «любви»: «по первому убо слову да умиримся с вами, грекы, да любим друг друга от всеа души и изволения...» А далее следует текст, который говорит, что обе стороны клянутся соблюдать «любовь непревратну и непостыжну», «непрежожну всегда и во вся лета». Затем идет «ряд» — серия статей, регулирующих последующие отношения между руссами и греками. Они охватывают самые разнообразные стороны жизни подданных обеих стран. Статьи говорят о способах рассмотрения различных злодеяний и мерах наказания за них; об ответственности за убийства, за умышленные побои, воровство, грабеж, за неуплату долга. Особо оговаривается порядок помощи купцам обеих стран, потерпевшим кораблекрушение. Подробно определена практика выкупа пленников друг у друга. Утраченная и невосстановленная статья посвящена порядку русской торговли в Византии. Сохранилось лишь ее название «О взимающих куплю Руси». По-видимому, она включала те пункты, регламентирующие русскую торговлю в империи, которые были записаны еще в договоре 907 г. Во всяком случае в последующем русско-византийском договоре 944 г., который объединил в единое целое «мир» 907 г. и «мир — ряд» 911 г., эти торговые пункты договора 907 г. воспроизводятся почти полностью.

В одной из статей четко видны классовые инте-

ресы двух раннефеодальных государств. Речь идет о статье, посвященной порядку возвращения бежавшей или похищенной русской челяди, рабов, феодально-зависимых людей. Строго приказывается возвращать челядь владельцам по их искам. Специальная статья говорит о союзной помощи грекам со стороны Руси и о порядке службы русских в императорской армии. Если после выполнения союзной помощи русские воины захотят остаться уже «своею волею» в императорской армии, это им разрешается — «да будут». Статья эта ясно указывает на то, что само условие о союзе двух государств и помощи Византии со стороны Руси было сформулировано ранее, по всей вероятности, в 907 г., а в 911 г. на этот счет появилось просто дополнительное разъяснение.

Мы видели, как после 907 г. Русь, выполняя союзнические обязательства, нанесла удар на Востоке по противникам Византии. Сразу же после 911 г. она снова активно выполняет свои союзнические обязательства: в 912—913 гг. следует новый русский поход в Закавказье; в это же время 700 русских воинов в составе византийской армии полководца Имерия отправляются на войну против критских арабов.

Характерной чертой этого нового соглашения является то, что оно уже не носит формы императорского пожалования. Руссы настояли на полном равноправии при оформлении нового договора. Это была большая дипломатическая победа. Она еще более возвышала политический престиж молодого Русского государства.

Действительно, основная часть статей договора носит двусторонний характер: хранить «мир и любовь» должны обе стороны, нести ответственность за преступление обязаны одинаково и руссы, и греки, и даже оказывать помощь ладье, «выверженной» на

берег, и проводить ее «поздорову» в «бестрашное место» вменяется обеим сторонам.

Более того, договор был составлен в двух абсолютно одинаковых экземплярах на греческом и русском языках. Только в русском тексте к грекам шло обращение от имени русского великого князя, его князей и бояр, а в греческом — от лица византийских императоров и «всех греков». Стороны обменялись этими грамотами: руссы получили греческий текст, а греки — русский. Но каждая сторона оставила себе копию со своего текста, который был отдан другой стороне. Вот эта-то копия с русского текста и попала, видимо, в руки Нестора — автора «Повести временных лет». Несомненно, что в великокняжеской канцелярии находился и оригинал договора на греческом языке. Этот порядок вполне был в духе времени — так же оформлялись и другие договоры раннего средневековья, в частности уже упомянутый греко-персидский договор 562 г. Русь тем самым продолжала осваивать международную практику заключения равноправных межгосударственных соглашений.

Впоследствии все эти документы — греческий оригинал и русская копия — погибли, и данный договор, и другие аналогичные документы сохранились в единственном виде в составе «Повести временных лет».

И все-таки Руси еще не удалось добиться полного равноправия с империей при заключении договора 911 г. Это видно из того, что вновь и вновь русские послы вынуждены были отправляться в Византию. Именно там решались судьбы отношений между двумя государствами. Олег — великий киевский князь — именовался в договоре просто «светлым князем», «светлостью», что, конечно же, приносило русского владыку перед иными крупными властелинами — хазарским каганом, болгарским

царем, франкским императором, персидским шахом. Да и в отношении союза с Византией Русь находилась в невыгодном положении: союзные обязательства несла только русская сторона, только русы должны были являться на помощь империи, принимать участие в ее походах.

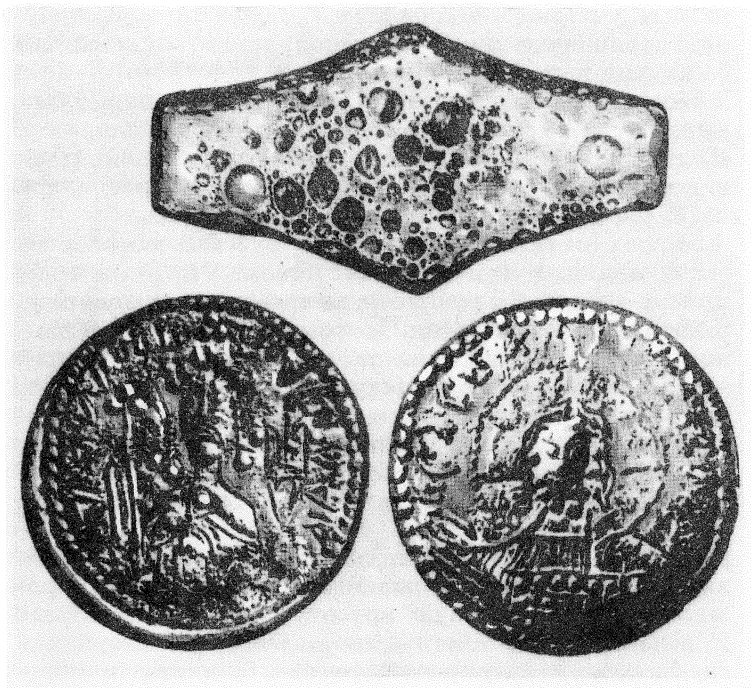
Устранение этого неравноправного положения было еще делом будущего...

Закончились переговоры в Константинополе, был выработан и подписан русско-византийский договор. И теперь русским послам предстояло собираться в дорогу — уже близилась осень, плавание судов по Черному морю и Днепру заканчивалось.

Перед отъездом на родину русское посольство было принято императором Львом VI, и на этом приеме послам были преподнесены дорогие подарки: золото, шелковые ткани, драгоценные сосуды. В данном случае русская дипломатическая миссия получила принятую в международной практике прощальную аудиенцию, или «отпуск», как ее именовали на Руси, у главы принимающего государства; подарки тоже были частью этого «отпуска».

А потом к послам назначили сопровождающее лицо — императорского «мужа», который ознакомил их с достопримечательностями Константинополя. Послы ходили по византийской столице, поражались на «церковную красоту», «полаты златые» и всякое «сущая богатество». Особенно старались греки продемонстрировать руссам богатства и мощь византийской церкви, приобщить их к православным святыням. Летописец даже сообщает, что греки «учаще я (их. — А. С.) к вере своей и показующе им истинную веру». Так была продолжена линия, начатая еще в Суроже и поддержанная русским крещением в 60-е гг. IX в.: Византия настойчиво старалась крестить Русь и привязать ее к своей церковной и политической колеснице, а Русь, нето-

Киевская серебряная
гривна XI в. и златник
князя Владимира
Святославича X в.

ропливо идя навстречу Византии, примеривала христианство к собственным классовым и государственным интересам. Как видим, крещение Руси в 988 г. Владимиром имеет свою долгую и противоречивую историю.

Но и на этом еще не закончилась история русского посольства в Византию в 911 г. Прибыв на ро-

дину, оно было в торжественной обстановке принято князем Олегом. Послы доложили ему о ходе переговоров, о содержании нового договора, о том, «какo сотвориша миръ, и урядъ положиша межю Грецкою землею и Рускою...».

Такой официальный прием посольства главой государства по возвращении послов на родину стал уже традиционным для международной дипломатии, и Русь приняла эту традицию, подчеркнув важность своей миссии в империю и значительность порученного ей дела.

Восточная политика Руси в IX—X вв.

По древним торговым путям. Мы уже обратили внимание на странную последовательность событий: после заключения между Русью и Византией очередного дипломатического соглашения следовал поход русской рати на Восток, против вассалов или наместников Арабского халифата в Закавказье. Так было в 60-е гг. IX в., так произошло и после заключения русско-византийских договоров 907 и 911 гг. Такие совпадения в истории не бывают случайными, тем более, что в договоре 911 г. прямо говорится о том, что Русь и Византия находятся в состоянии военного союза.

Но было бы неправильным думать, что вся политика Древней Руси на Востоке определялась лишь интересами и происками Византийской империи. По мере развития Русского государства, становления его внешней политики восточная политика Руси приобрела четко выраженную самостоятельность. Восток издавна манил русских купцов своими диковинными товарами, богатствами. Торговля с восточными странами была хотя и рискованным, но чрезвычайно прибыльным предприятием. Восточные походы на

Северный Кавказ, Волгу, в Закавказье, особенно вдоль западных и южных берегов Каспийского моря, обещали богатую добычу; они постоянно будоражили воображение русских князей, бояр, дружинников. Но долгое время Русь не имела прохода на Восток. На восточных путях прочным заслоном стоял Хазарский каганат, давнишний друг и союзник Византии; путь по Волге контролировали вассалы Хазарии — волжские булгары. И все-таки со времени становления своего государства восточные славяне упорно стремились пробиться на Восток. Они были известны здесь, по восточным источникам, еще с VI в. Поскольку в ту пору часть славянских племен была подчинена Хазарии, то и сведения о славянах шли вместе со сведениями о хазарах. То сообщалось, что в земли хазар и славян в VI в. бежал брат персидского шаха, боясь преследований, то руссы VII в. упоминались среди прочих врагов арабов на севере, то, наконец, сообщалось, что они вместе с хазарами в VIII в. дрались против вторжения вплоть до Приазовья большого арабского войска во главе с полководцем Марваном. Неоднократно восточные авторы IX в. сообщали в своих сочинениях о русских купцах, о русской торговле на Востоке.

С каждым десятилетием здесь все громче был слышен голос Руси. Поход русской рати в начале IX в. был не столько против Византии, сколько против своего бывшего сюзерена и давнего противника Хазарии. Именно в это время в Северном Причерноморье по мере развития древнерусского государства завязывается новый узел противоречий между Византией, Хазарией и Русью. Хазария была традиционным союзником империи, но с IX в. она начинает все чаще и чаще угрожать византийским владениям в Крыму. Естественно, Византии было выгодно иметь в этом районе сильного противни-

ка Хазарии, каким со временем могла стать Русь. Одновременно Хазария по-прежнему нужна была империи как союзник в борьбе против арабских вассалов на Кавказе. Опасаясь крепнущей Руси, Константинополь не прочь был держать их в постоянном напряжении. Развивающееся соперничество мужающей Руси и угасающей Хазарии, контролировавшей все пути по Дону, Волге, восточной части Северного Причерноморья, постоянно наталкивалось на поддержку Византией Хазарии, которая хотя и была уже не столь надежным, как прежде, союзником, но все еще играла определенную роль в политических расчетах империи.

Чтобы пробиться на Восток, Руси необходимо было либо сокрушить Хазарский каганат, либо вступить с ним в союз, опираясь на поддержку Византии, которая стремилась направить русские союзные рати против своих врагов в Закавказье. Учитывая сложившуюся ситуацию, Русь, судя по всему, до поры до времени выбрала второй путь.

От 853—854 гг. до нас дошло свидетельство арабского автора ал-Йа'куби об установлении санарийцами — народом, жившим на территории Северной Кахетии — дипломатических контактов с властителем славян. А еще через несколько лет другой автор, на этот раз персидский, — Ибн-Исфендийар сообщил о походе руссов на город Абесгун, расположенный на юго-восточном побережье Каспийского моря и представлявший собой важный торговый порт, захват которого открывал путь в Среднюю Азию, в частности в богатый торговый Хорезм. Датируется этот поход по ряду признаков серединой 60-х гг. IX в., что означает, что он последовал за заключением русско-византийского договора начала 60-х гг. и, вполне возможно, отражал союзную помощь Византии со стороны Руси. Но как оказались руссы в Закавказье? Ведь они могли пройти туда

только по Днепру, Черному морю, Дону, Волге, Каспийскому морю, т. е. частично по территории Хазарии. Однако источники, говорящие об этом походе, хранят об отношениях Руси и Хазарии полное молчание. Не будем и мы торопить события.

Поход в Закавказье. В 909 г. русская рать вновь появилась в Закавказье, и вновь удар ее был направлен на Абесгун. Сообщается, что руссы пришли морем на шестнадцати судах. На другой год, т. е. в 910 г., они появились здесь же «в большом количестве», сожгли в юго-восточной части Прикаспия город Сари, забрали большую добычу, много пленных, но на обратном пути были разбиты отрядами гиляншаха и ширваншаха. То были годы активизации византийской политики в Закавказье. Именно в это время пытался сбросить власть арабов царь Армении Смбат I. Советские ученые считают, что поход руссов был направлен против владык Мавераннахра и Хорасана и объективно укреплял византийские позиции в этом районе.

И снова русской рати, которая, как отмечено в источнике, пришла в Закавказье морем, неминуемо пришлось проплывать по территории Хазарии. И снова мы должны строить на этот счет лишь предположения.

Ситуация, однако, проясняется уже через 2 года, в 912—913 гг. Но прежде чем мы об этом скажем, стоит обратить внимание на то, что походы Руси на Восток после заключения русско-византийских договоров начала X в. следовали один за другим. Руссы доставляли немало хлопот вассалам Арабского халифата, потому что основная борьба шла именно с ними.

В отличие от предшествующих походов военная экспедиция 912—913 гг. была грандиозной по своим масштабам. О ней весьма подробно рассказывал

арабский автор ал-Мас'уди в своем труде «Россыпи золота», написанном в X в., между 943 и 956 гг.

Он сообщил, что 500 русских кораблей двинулись в поход на Восток через земли хазар. Их путь проходил по Днепру, Черному и Азовскому морям. Из Азовского моря они вошли в устье Дона. Подойдя к хазарским заставам, руссы, как пишет ал-Мас'уди, «снеслись с хазарским царем» и просили о пропуске своей флотилии. Хазары согласились, но при условии, что половину захваченной в походе добычи руссы отдадут им.

Русские суда поднялись вверх по Дону, затем были перетянуты волоком в Волгу и через устье Волги вышли в Каспийское море.

Сначала они обрушились на южный берег Каспия и нанесли удар все по тому же Абесгуну, затем повернули на Запад, опустошили берега Гиляна, где два года назад гиляншах разгромил их собратьев, потом они появились на Апшеронском полуострове. Как и под Константинополем, они брали пленных, захватывали имущество, подавляли всякие попытки к сопротивлению.

Руссы побыли в походе несколько месяцев, приняли здесь несколько сражений и зазимовали на одном из каспийских островов близ Баку.

С наступлением весны они двинулись в обратный путь. С дороги снова снеслись с хазарской столицей и послали кагану «денег и добычу, как это и было договорено между нами». Однако хазарские мусульмане, из которых состояла гвардия, стремясь отомстить за кровь своих братьев на Востоке, решили наказать руссов. Хазарский каган тем не менее послал своих людей к русским вождям, предупреждая их о возможном нападении. Но это не изменило положения. 30 тыс. руссов пали под хазарскими мечами, а еще 5 тыс. погибли под ударами волжских бул-

гар и буртасов — вассалов Хазарии. Лишь небольшая часть руссов вернулась на родину.

Жестокий урок. Отныне становилось очевидным, что никакие общие цели Византии, Хазарии и Руси по борьбе с Арабским халифатом в Закавказье не способны поколебать главное нарастающее противоречие между Хазарским каганатом и Русью. Хазария слабела. Сокращались ее владения. Упадок своего военного и экономического могущества она пыталась восполнить за счет близлежащих богатых колоний Византии. Все чаще ее интересы сталкивались с интересами империи в Крыму и на Северном Кавказе. Даже тогда, когда русская рать в 912 г. через хазарскую территорию двинулась на Восток, сама Хазария отбивалась от военной коалиции, которая была организована против нее Византией.

Все чаще основную роль в борьбе против арабов на Кавказе Византия отводила Руси. Хазария в это время стала испытывать сильное давление со стороны печенегов, которые появились в Приазовских и Причерноморских степях. И Византия все чаще натравливает этих кочевников против каганата, отношения с которым у православной Византии вконец испортились после принятия Хазарией в 20-е гг. X в. иудаизма. Теперь это была иудаистско-мусульманская держава, которая идеологически противостояла Византии. Единственной компенсацией для нее в этом районе могли быть крымские колонии Византии, весьма удаленные от империи, а потому слабозащищенные. И недаром Византия стремится поднять против Хазарии то печенегов, то аланов, то руссов. Сочинение византийского императора Константина Багрянородного буквально дышит ненавистью и к хазарам, и к руссам.

Русь, ведомая собственными экономическими и военными целями на Востоке, а также выполняющая

союзнические обязательства в отношении Византии, послала свою рать на Восток. Хазария вынуждена была пропустить руссов. Между русскими вождями и хазарским каганом был заключен договор о проходе русского войска по хазарской территории. Этот договор объясняет, каким образом руссы появлялись на Востоке и прежде. Теперь можно смело утверждать, что и в 60-е гг. IX в. и в 909—910 гг. Русь дипломатическим путем при поддержке Византии получала согласие Хазарского каганата на проход по его землям в Закавказье.

Теперь же, теснимая Русью и Византией, Хазария предприняла открытое военное выступление. Удар в спину русскому войску под влиянием мусульманских кругов в хазарской столице четко определил ее позицию. Хазария пришла к откровенному противоборству с Русью и Византией. Теперь при определенных условиях никто уже не мог бы помешать Руси нанести Хазарии решающий удар. Для этого требовалось лишь время.

Но время еще не пришло. В 915 г. на Русь впервые пришли печенеги, и новый русский князь Игорь заключил с ними мир. В 920 г. Руси вновь пришлось воевать с печенегами. И снова, по-видимому, с ними был заключен мир, так как уже в последующие годы они выступают в качестве союзников Игоря во время его войны с Византией.

С 30-х гг. X в. стали нарастать противоречия между Русью и Византией, что дало Хазарии определенную передышку. В это время мы не видим и русских походов на Восток. А далее разгорелась русско-византийская война 941—944 гг., о которой речь впереди. Едва военная страда миновала и между Русью и Византией был заключен новый масштабный договор 944 г., как положение Хазарии вновь стало угрожающим.

В этом новом договоре имелась статья, которая

еще более четко, чем прежде, определяла военный союз Руси и Византии. Она обязывала Русь направлять по просьбе Византии своих воинов, сколько потребуется, против того противника, которого определит Византия. В другой статье, однако, такие же обязательства берет на себя в отношении Руси и Византия: если русский князь, говорится в ней, где-либо будет вести войну и попросит помощи у империи, то получит ее в таких количествах, в каких потребуется: «да воюеть на техъ странахъ, и та страна не покаряется вамъ, и тогда, аще просить вой (воинов. — А. С.) у насъ князь русский да воюеть, да дать ему, елико ему будетъ тебе». Определен и район, где руссам, возможно, нужна будет помощь Византии, — это «Корсунская страна», т. е. земли, прилегающие к Херсонесу, центру греческих колоний в Крыму. А это означает лишь одно: Русь и Византия договорились бороться совместно с общим противником в Северном Причерноморье, Крыму, в Приазовье. Таким противником обеих стран в этом регионе была прежде всего Хазария.

Но и после этого договора час каганата еще не пробил. В это время у Византии был более серьезный противник — арабы, которые продолжали угрожать империи с Востока, со стороны Малой Азии, и удар им в тыл, по их вассалам в Закавказье, как и прежде, был весьма желателен.

В 945 г., вслед за заключением русско-византийского договора 944 г., русская рать вновь двинулась на Восток — реализовывалась статья о военном союзе, по которой русский князь должен был посылать войска на противников Византии. И вновь этот поход отвечал интересам русского раннефеодального государства, стремившегося закрепить за собой торговые пути на Восток, захватить богатую добычу.

Новый поход на Восток. На сей раз руссы избрали иной путь, чем прежде. Наученные горьким опытом в 912—913 гг., когда хазары предательски напали на них, и не доверяя более каганату, русские вожди повели свои дружины в Закавказье, минуя хазарские границы. Перс Ибн-Мискавейх и албанский историк Мовсес Каланкатвази, писавшие в X в. в своих сочинениях, а также некоторые другие авторы, дополняя и уточняя друг друга, рассказывали об этом походе, который, видимо, стал широко известен в тогдашнем восточном мире и поразил воображение современников.

Руссы прошли из Черного моря в устье реки Куры, впадающей в Каспийское море. Как они могли там оказаться? Путь у них был один — сухопутьем через Северный Кавказ, через земли дружественной Византии, воинственных алан. А это значит, что русское посольство либо прежде побывало у алан, договариваясь о пропуске русского войска, либо отправило к ним гонцов уже во время похода. Во всяком случае дипломатические контакты по этому поводу были совершенно необходимы.

По Куре руссы поднялись вверх и овладели столицей Аррана (располагавшегося на территории нынешнего Азербайджана) — городом Бердаа.

Руссы появились здесь не случайно. Бердаа издавна был известен как большой и богатый город, торговый центр целого края. В восточных сочинениях авторы называли его Багдадом Кавказа. В то время в Бердаа правил владыка местного народа дейлемитов Марзубан — союзник Византии, на которого со всех сторон наседали вассалы Арабского халифата. Именно сюда, возможно на помощь Марзубану, и пришли руссы. Не исключается, что в Бердаа они вошли как победители. Каланкатвази пишет о том, что руссы, «подобно вихрю, распространились по всему Каспийскому морю до столицы аг-

ванской (Аррана. — А. С.) Партава (Бердаа. — А. С.)».

Затем между руссами и местными жителями начались недоразумения, стычки, вылившиеся в конце концов в обыкновенную войну. Восточные авторы сообщают, что руссы овладели городом и «полонили жителей его», «завладели всем имуществом жителей». Но и после этого отношения с ними у руссов были не вполне обычными. Они «сделали объявление, успокаивали жителей его (города. — А. С.) и говорили им так: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, — это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам». Таким образом, руссы стремились придать своему пребыванию в крае видимость законности. Что это было — желание сделать Бердаа своей опорой на будущее, окончательно укрепиться в крае или попыткой сохранить город за собой на время сокрушения местных мусульманских правителей — вассалов халифата? Ответить на этот вопрос практически невозможно. Но ясно одно: руссы старались утвердиться здесь на определенное время и хотели установить мирные отношения с местными жителями.

Но мира не получилось. Дейлемиты пытались отбить город, но безуспешно. Против руссов вспыхнуло восстание горожан, которое было жестоко подавлено. Жители подверглись ограблению: каждый должен был выкупить свою жизнь, а взамен он получал «кусоч глины с печатью», который гарантировал человеку дальнейшую безопасность. Затем среди руссов начались болезни. По некоторым данным, местные женщины пытались отравить их.

Руссы пробыли в Бердаа несколько месяцев. Они захватили там огромную добычу, но положение их осложнялось с каждым днем: со всех сторон наседали мусульманские войска, болезни продолжались.

Однажды ночью руссы вышли к Куре, где стояли у причалов их суда, и отправились на родину. Так неудачно закончилась эта попытка утвердиться в землях вассалов халифата.

Русско-византийский договор 944 г.

Конец мирного периода. «Глубокий» русско-византийский мир 907—911 гг. просуществовал до 941 г. Ровно через 30 лет началась новая русско-византийская война.

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы по истечении срока договора началось военное противоборство; соглашение могло быть продлено, перезаключено и т. д., но этого не случилось. Противоречия обострились не сразу. Они нарастали постепенно. Еще в середине 30-х гг. русские воины участвовали в экспедиции греческого флота к итальяским и французским берегам, но потом отношения разладились.

К этому времени положение Византии стало более прочным. При новом императоре Романе I Лакапине была создана сильная армия. Болгария после смерти царя Симеона все более слабела, ее раздирали феодальные смуты, в болгарском руководстве брали верх провизантийские настроения. Русь теряла в лице новой Болгарии давнего и надежного друга. Границы с Арабским халифатом были стабилизированы. Грекам удалось остановить продвижение арабов в Малой Азии.

Укрепляя военное и политическое могущество, Византия, видимо, стремилась расширить сферы своего влияния в Крыму и Северном Причерноморье, окончательно изолировать Хазарию. В этом районе неминуемо должны были столкнуться интересы Руси и империи.

Изучение последующего русско-византийского до-

и роушнѣ на грѣхы . и бранни мѣжи мнѣ бывшѣ
шатреци . роужѣ възвратиша . и ко двѣмъ мѣсто
и на мочѣ вѣлѣша вѣло . и ѿбѣгоша ;

ѿ ѿфанъ коу сѣтъ тѣхъ вѣла де сѣтъ . и тоуша

говора 944 г. показывает нам основные причины противоборства двух стран. И первая из них — острейшие противоречия в Северном Причерноморье. По этому договору Русь обязывалась «не имать волости», т. е. не захватывать земли в этом районе, не чинить препятствия жителям Херсонеса в ловле рыбы в устье Днепра, не зимовать в днепровском устье на Белобережье, а по наступлении осени возвращаться «въ дома своя в Русь». В середине X в. восточные авторы стали называть Черное море русским морем, в ряде византийских источников этого же времени Боспор Киммерийский, т. е. Керченский пролив, так-

же упоминается как русское владение.

Все это вместе взятое говорит о том, что Русь в 20—30-е гг. осваивала Северное Причерноморье.

В условиях возобновившихся распрей и ссор Византия прекратила Руси уплату ежегодной дани и, вероятно в одностороннем порядке, отменила право русского купечества на беспошлинную торговлю в Византии. Рухнули основные положения тридцатилетнего русско-византийского договора 907 г. О том, что выплата дани была прекращена, говорит тот факт, что после губительных сражений, долгого военного противоборства мирные переговоры сто-

рон начались именно с вопроса о возобновлении Византией уплаты дани Руси. Когда Игорь после первых поражений в 941 г. организовал в 944 г. второй поход на Константинополь, то его встретило на Дунае императорское посольство и заявило от имени Романа I: «Не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще к той дани». Греки предлагали возвратиться к основному пункту договора 907 г.

Русь вступила в военное противоборство не одинокой. Если Византия пользовалась поддержкой Болгарии, а на Северном Кавказе ее союзниками были аланы, то Русь также имела союзников.

Вместе с Русью выступили давние ее друзья — венгры. Об этом говорит их нападение на Константинополь в 943 г., в разгар русско-византийской войны. Во время своего второго похода на Византию Игорь вел кроме русского войска также союзников — варягов и печенегов — «печенегов наа» (нанял. — А. С.). Опираясь в этой войне Игорь и на благожелательный нейтралитет Хазарии, остро враждовавшей в это время с Византией.

События разворачивались стремительно. В 941 г. болгары и херсонесский стратиг, чьи военные посты всегда внимательно следили за передвижениями русских войск по Днепру и Черному морю, сообщили в Константинополь о том, что «идуть Русь на Царьградъ, скедий (кораблей. — А. С.) 10 тысящъ».

И на этот раз руссы, видимо проведя тщательную разведку, обрушились на византийскую столицу в тот момент, когда греческий флот ушел на борьбу с арабами в Средиземном море, а лучшие армии находились во Фракии, Македонии и Малой Азии. Но внезапного удара не получилось: греки были предупреждены о нашествии заранее.

Первое сражение произошло близ Константинополя у местечка Иерон. Это было морское сражение. Греки применили свой «огнь», вызвав ужас у руссов.

Видный греческий полководец и дипломат патрикий Феофан руководил византийским флотом в этой битве. Флот Игоря потерпел поражение, и здесь русское войско раскололось: часть кораблей отошла на Восток, к берегам Малой Азии, а другие, во главе с Игорем, повернули на родину, считая, очевидно, что остальные суда погибли в морской пучине.

Отошедший в сторону Малой Азии русский флот представлял собой еще грозную силу. Византийские и русские источники сообщают, что руссы пошли войной по территории Византии от Понта, т. е. Босфора, до Пафлагонии, напомнив грекам о своем нашествии в эти же места еще в IX в. Руссы, сообщает «Повесть временных лет», захватили огромные богатства, много пленных, сожгли попадавшиеся им на пути монастыри, церкви, селения. О масштабах и ярости этого нашествия, даже несмотря на поражение руссов в первой битве, говорят и большие усилия греков по организации отпора руссам. С Востока подошла армия доместика Памфира, насчитывавшая 40 тыс. человек, подтянулись легионы патрикия Фоки и стратига Феодора, располагавшиеся в Македонии и Фракии. И лишь к сентябрю 941 г. руссы были вытеснены из Малой Азии, но для этого потребовалось провести еще несколько сухопутных сражений и одно морское. В последнем бою у малоазиатского побережья русский флот еще раз был атакован огненосными греческими судами и разбит; остатки русской рати вернулись на родину.

А пока руссы в течение трех с лишним месяцев навели ужас на Византию, Игорь уже готовился к новому походу. Он послал своих людей к варягам, прося их о помощи.

К весне 944 г. новая рать была собрана, и Игорь вместе с союзниками двинулся на Дунай. Пешее войско шло в ладьях водным путем, а конница двигалась берегом. Вести о приближающейся опасности шли

и мѣ · и горже прише мача совокоу плати
пошлагн заморѣ · а бѣаху ма грекы ·

в Константинополь со всех сторон: снова тревожную новость сообщил херсонесский стратиг; болгары прислали гонцов с известием, что вместе с руссами идет наемная печенежская конница. И греки решили вторично не искушать судьбу. Навстречу было послано императорское посольство, которое должно было остановить Игоря, заключить с ним перемирие.

Греки предложили по-прежнему выплачивать дань Руси и созвать посольскую конференцию для выработки нового русско-византийского договора.

Одновременно они направили своих послов и в печенежский лагерь, преподнесли печенежским ха-

нам золото и дорогие ткани. Цель их была ясна — оторвать печенегов от Игоря и тем самым усилить свои позиции на переговорах с русским князем.

Игорь созвал свою дружину. Дружинники заявили князю: куда уж лучше — получить дань без сражения. Летописец в таких поэтических словах передает мысли дружинников: «Егда кто вестъ; кто одолеетъ, мы ли, оне ли? Ли с морем кто светен? Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстей: обьча смерть всемъ». Было решено пойти на мир. Но одновременно руссы вели переговоры и с печенегами. Игорь предложил печенегам ударить по враждеб-

ной Руси Болгарии, и печенеги отправились в поход: Византии не удалось расколоть русско-печенежский союз; видимо, набег на Болгарию стоил византийского золота.

И еще одну небольшую дипломатическую победу одержали руссы на Дунае: именно здесь, судя по всему, было условлено, что первая посольская встреча по поводу выработки нового мирного договора состоится не как обычно в Константинополе, а в русской столице. Это видно из того, что вскоре после возвращения русской рати на родину в Киев прибыли послы византийского императора Романа I Лакапина «построити мира первого», т. е. восстановить основные нормы соглашения 907 г. Это был новый шаг русской дипломатии, приближавшей Русь к полностью равноправным отношениям с великой империей.

Игорь принял византийских послов и, как свидетельствует летопись, «глагола» (говорил. —

А. С.) с ними о мире. Именно здесь состоялась выработка принципиальных положений нового договора. Киевская встреча стала той предварительной конференцией, где был разработан его проект. Потом русское посольство двинулось в Константинополь для выработки окончательного текста договора. Забегая вперед, скажем, что после его утверждения византийским императором новое византийское посольство появилось в Киеве для того, чтобы присутствовать на утверждении договора великим князем и привести Игоря к присяге на верность договору. Все это было неслыханным делом: дважды императорские послы появлялись в русской столице; в Византии Роман I Лакапин клялся в верности договору в присутствии русских послов. Это был уже равноправный уровень международных дипломатических процедур самого высшего ранга.

Русское посольство прибыло в Константинополь в составе 51 человека, не считая охраны, гребцов, слуг. Это была более многочисленная миссия, чем какая-либо прежде. Уже этот факт указывает, что на посольство возлагались важные задачи, подчеркивает возросшую мощь и международный престиж древнерусского государства, углубление и развитие отношений между двумя странами.

Во главе посольства, как и прежде, стоял главный, первый посол. Он представлен в договоре как посол «великаго князя рускаго». Остальные — это «объчии сли», т. е. обычные, рядовые послы. Но и они каждый имеют громкий титул, связывающий их с великими людьми Русского государства. Вторым упоминается Вуефаст, посол Святослава, сына Игоря, наследника русского престола, третьим идет Искусеви, посол жены Игоря — великой княгини Ольги и т. д. Кроме послов в состав миссии вошли 26 купцов, что подчеркивает возросшую роль русского купечества в международных делах сво-

тѣ доидѣ сѣмѣи ѿ нѣмнрѣ той вѣмешмы
послыи торѣны. пѣиша кой торѣ. споглы грѣцкѣм

его государства и указывает на экономический характер предстоящих переговоров.

По-новому звучит в документе представительство миссии. Она именуется посланцами «от Игоря, великого князя рускаго, и от всяка княжѣя и от всехъ людей Руския земля». И еще не раз в договоре употребляются понятия «Русь», «Руская земля», «страна Руския». Посольство, таким образом, действует от имени государства Русь и, более того, от имени всего русского народа. В этом уже видно стремление феодальной верхушки отождествить свои интересы с интересами всей земли.

По-новому звучит и титул русского властелина: в договоре он именуется «великий князь русский», т. е. так, как его величали на Руси. Ушел в прошлое невысокий титул «светлость».

По своему содержанию договор 944 г. резко выделяется не только из числа русско-византийских соглашений, но из всего, что дал раннесредневековый дипломатический мир. Масштаб договора, охват им разнообразных политических, экономических, юридических, военно-союзных сюжетов уникален для X в. В его создании видна настойчивая, изощренная мысль византийцев, их знание предмета и мудрость, государственный кругозор, полити-

ческий размах молодой русской дипломатии.

В договоре 944 г. объединены практически идеи и конкретная часть двух прежних соглашений — 907 и 911 гг., однако, кроме того, они развиты, углублены, дополнены новыми важными положениями.

Новое соглашение — типичное межгосударственное соглашение «мира и любви», которое восстанавливало прежние мирные отношения между странами. Договор возвращал оба государства к «ветхому миру» прошлого, под которым авторы соглашения имели в виду, конечно, договор 907 г. В договоре подтверждались «мир и любовь», воспроизводились все те идеи дружбы и добрососедских отношений, которые присутствовали в соглашениях 907—911 гг. И вновь декларировалось, что мир устанавливается «на вся лета», т. е. навсегда.

В договоре был подтвержден порядок посольских и торговых контактов, установленный еще в 907 г.: «А великий князь руский и бояре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ к гречьскимъ корабли, елико хотят, со слы (с послами. — А. С.) и гостьми (купцами. — А. С.), яко же имъ уставлено есть». А как известно, «установлено» это было подробно в 907 г. Почти без изменения в новый договор вошел из прежнего текст о порядке прихода русских послов и купцов в Византию, получение ими посольского и купеческого содержания, размещение около монастыря святого Маманта, входа их в город. Здесь же говорится, что, собираясь в обратную дорогу, руссы имеют право на получение продовольствия и снаряжения, «яко же уставлено есть преже».

Подтверждены и обязанности византийских чиновников переписывать состав русских гостей для получения содержания и удостоверения их личности и цели появления в Византии, вводить руссов

в город без оружия, через одни ворота, охранять их, разбирать возникающие недоразумения между руссами и греками: «Да аще кто от Руси или от Грекъ створить криво, да оправляеть (разбирает. — А. С.) то». Они также были должны контролировать характер и масштабы торговых операций, удостоверить своей печатью на товарах законность произведенных сделок. Как видим, эта часть договора 907 г. значительно расширена, детализирована, обязанности императорских «мужей» обозначены здесь более подробно, их функции расширены.

Но появились в этой части договора и новшества, и первое среди них — это установление порядка удостоверения личности приходящих из Руси послов и купцов. Теперь они должны предъявлять византийским чиновникам специальные грамоты, выданные им великим русским князем, вернее его канцелярией, и адресованные непосредственно на имя византийского императора. В этих грамотах должно быть обозначено, кто и с какими целями пожаловал в Византию. В случае же, если руссы явятся без таких «удостоверений» и станут выдавать себя за послов и купцов, их надлежало взять под стражу и сообщить о них в Киев: «Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же («пока не». — А. С.) възвестимъ князю вашему». В случае сопротивления грекам разрешалось даже убить русса, причем русский великий князь не должен был с них за это взыскивать.

Эти новые пункты договора ясно говорят об усилении государственных тенденций на Руси, о том, что киевский князь практически берет под свой контроль все контакты русских людей с Византией, откуда бы они ни были — из Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Новгорода, других русских городов. Конечно, в значительной степени эти статьи охраняют классовые интересы русских

Трапеза в Киеве с
участием послов от
степняков

феодалов, ведь теперь любой беглец из Руси — холоп или феодально-зависимый крестьянин, должник или обедневший ремесленник — должен был немедленно задерживаться греками и отправлен обратно на Русь.

Была у этих статей и еще одна цель: теперь тем русским купцам, которые отправлялись в Византию на свой страх и риск, без княжеского изволения, грозила суровая кара. Эти строгости сводили до минимума зарождение новых конфликтов между руссами и греками.

Появились в договоре 944 г. и иные ограничения для русских людей в империи: руссы не имели права зимовать на своем подворье в Византии. А это означало, что и посольские и купеческие караваны должны были в период одной навигации обернуться и возвратиться на родину. Нет уже ни слова о пре-

бывании посольства в Византии, «елико хотяче», или купцов в течение шести месяцев. Теперь сроки стали более жесткими, и это отражало не только интересы Византии, которая к осени избавлялась от своих весьма значительных материальных затрат и от беспокойного русского соседства, но и интересы Русского государства, стремившегося упорядочить дипломатические и торговые контакты с Византией, сделать их более четкими, профессиональными. Любопытно, что и в греко-персидском договоре 562 г. по этому поводу также говорилось, что послы и гонцы обеих стран «обязаны оставаться недолго в земле, куда приезжают». А ведь Персия вместе с Византией — одно из древнейших государств, где дипломатическая служба была хорошо отработана.

В новом договоре 944 г. заметно, что Русь пошла на некоторые экономические уступки. Русским купцам запрещалось покупать на византийских рынках дорогие шелковые ткани более чем на 50 золотников. Можно было себе представить, сколько таких тканей вывозили руссы прежде, продавая затем втридорога по всем своим городам, а возможно, и в северные страны.

Но самой, конечно, существенной экономической потерей для Руси стала отмена беспошлинной торговли русских купцов в Византии. По этому поводу в договоре просто не сказано ни слова. Вырванное в свое время у Византии силой, оно стало обременительным делом для византийского купечества: русские купцы были поставлены в империи в привилегированное положение, что не могло не наносить ущерб как греческой торговле, так и торговле других стран. Теперь эта привилегия была отменена, и в этом вполне можно усматривать следствие военного поражения русского войска в 941 г.

Заново в договоре 944 г. сформулирована идея

о совместной защите обоими государствами прав на личность и собственность холопов, рабов. В случае, если холоп бежит из Руси в Византию или раб — из Византии на Русь, оба государства должны оказывать друг другу всяческую помощь в его поимке и возвращении своим господам. Статьи на эту тему носят четко выраженный классовый характер.

Изменены наказания за имущественные преступления. Прежде за кражу разрешалось убийство, если вор попадался на месте. Теперь установлено более умеренное наказание, соответственно «законам» греческому и русскому, что отражает развитие правовых норм как в Византии, так и на Руси.

Подробно разработаны в новом соглашении вопросы об ответственности за имущественные преступления, побои, за другие нарушения. Они решаются во многом по-иному, в соответствии с эволюцией законодательства в обеих странах, отражают уровень общественного развития обеих стран.

Но особо подробно обоснована идея нового византийско-русского военного союза.

По существу, Русь выступает здесь впервые на правах равноправного союзника Византии, а сами военно-союзные статьи носят всеохватный, масштабный характер. Во второй половине I тысячелетия Византийская империя неоднократно заключала договоры о союзе и взаимопомощи с другими государствами, но ни один из них не сохранился в письменном виде, да еще столь подробно разработанный. В этом смысле договор 944 г. также представлял собой уникальное явление.

Русь и Византия взяли на себя равные обязательства посылать войска на помощь друг другу. Русь — против тех противников Византии, на которых укажет ей империя: «Аще ли хотети начать наше царство (империя. — А. С.) от васъ вои на пративя-

щася намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хотимъ». Византия же, как уже отмечалось выше, обязалась посылать на помощь Руси свои войска в том случае, если русский князь попросит о помощи, воюя в Северном Причерноморье, в Корсунской стране, как на Руси называли Херсонес и примыкающие к нему владения. Противник не назван, но он легко угадывается — это Хазария и ее сателлиты в Северном Причерноморье, Приазовье и Поволжье.

Военный союз двух государств основывался не только на общности политических и экономических интересов, но и на том, что острейшие противоречия между ними, в том числе территориального характера, были разрешены.

Два района вызывали особенно обостренный интерес Руси и Византии: Таманский полуостров и устье Днепра. Тамань нужна была руссам для за-

крепления здесь за собой опорных пунктов на восточных путях — в Азовское море, на Волгу, Северный Кавказ. Но Боспор Киммерийский издавна был сферой владения, а потом и влияния Византии. Теперь здесь прочно обосновались руссы. Греки, говоря в договоре об общих действиях вместе с руссами против живущих неподалеку «черных болгар», кочевников, вассалов Хазарии, указывали, что болгары нападают не только на «страну Корсунскую», т. е. причиняют ущерб Херсонесу и его владениям, но и «пакостят стране его», т. е. русскому князю. Тем самым греки признали данный район сферой влияния Руси, пригласив русского князя защищать наряду со своими владениями и византийские.

Устье Днепра, Белобережье, остров Святого Елферия являлись важным военно-стратегическим районом: отсюда руссы выходили в Черное море во время своих стремительных морских походов, здесь

располагались византийские, херсонесские аванпосты. И когда херсонесский стратиг посылал весть о начавшемся походе русского войска на Константинополь, первые сведения приносили ему разведчики, чьи посты находились в днепровской дельте. Руссы стремились удалить отсюда греков, создать здесь свои поселения, но и греки упорно боролись за сохранение за собой этого района.

В новом договоре стороны поладили между собой. Византия добилась того, что руссам запрещалось «творить зло» херсонесским рыбакам, изгонять их из этих мест. А это означало, что греки сохранили возможность своей разведке по-прежнему присутствовать в этом районе. Но это одновременно означало и признание греками устья Днепра сферой влияния Руси. Особенно это становится очевидным из слов договора о запрещении руссам зимовать в днепровском устье. В остальное же время появление их в здешних местах признается правомерным. Причем никаких наказаний за то, что руссы останутся здесь и на зимовку или помешают херсонесцам ловить рыбу в днепровских водах, не предусматривается. Статья по этому поводу является лишь благим пожеланием.

Так был разрешен спор, но... лишь на время. Совершенно очевидно, что противоречия Руси и Византии в спорных районах не были устранены, и очевидно, что их решение переносилось на будущее; пока же был нужен мир и военный союз.

А вскоре русская рать выступила в новый поход на Восток, на город Бердаа. Как и договор 911 г., новое соглашение было оформлено по всем самым высшим меркам международной дипломатии. Договор был составлен в двух экземплярах — на греческом и русском языках. Каждая из сторон принимала присягу в верности договору на своем тексте. Русские послы, как это следует из летописной запи-

си, «водили суть царя... роте», т. е. приняли клятву в верности договору 944 г. Романа I Лакапина и его сыновей. Затем огромный караван, состоящий из русского и византийского посольств, направился на Русь. Руссы возвращались на родину, а греки ехали в Киев, для того чтобы принять на договоре присягу Игоря, его бояр и дружинников.

И вот в русской столице наступил торжественный день. Утром Игорь призвал к себе византийских послов и вместе с ними отправился на холм, где возвышалась статуя главного бога Руси — Перуна; к его ногам руссы сложили свое оружие, щиты, золото. Таков был не только русский обычай: многие языческие народы восточной Европы давали клятву на оружии и золоте. Русь и в этом смысле шла в русле международной традиции.

Здесь Игорь и его люди совершили обряд присяги. Видные же русские бояре и дружинники, являвшиеся христианами, отправились вместе с послами в церковь святого Ильи и там принесли клятву на кресте.

Затем был торжественный прием византийского посольства великим русским князем: послы были богато одарены мехами, челядью, воском — традиционными статьями русского вывоза в Византию.

Русский оригинал договора отправился с послами в империю, а копия с этого текста и греческий оригинал соглашения легли в великокняжеское хранилище.

Дипломатия княгини Ольги

Возобновление отношений с Византией. Миновали бурные 40-е годы X в. На Руси после этого произошли большие перемены: погиб в древлянских лесах князь Игорь, власть перешла к его жене — княгине Ольге, поскольку наследник престола князь Святослав «бе

Заключение мирного
договора между Русью
и Византией

бо детескъ», т. е. был еще мал. Произошли перемены и на византийском престоле: один за другим после государственных переворотов уходили в ссылку Роман I Лакапин и его сыновья, пока наконец в 945 г. престол не занял державшийся ранее в тени сын Льва VI — Константин VII, который, будучи еще мальчиком, был упомянут среди византийских императоров вместе со своим отцом и дядей в русско-византийском договоре 911 г. Лица поменялись, но политика оставалась прежней; в отношениях между двумя государствами действовал договор 944 г. Во исполнение союзнических обязательств русские воины участвовали во второй половине 40-х гг. X в. в экспедиции греческого флота против критских корсар; русские гарнизоны размещались в пограничных с Арабским халифатом крепостях, создавая заслон против арабского давления на владения Византии с юго-востока. Но новых дипломатических инициатив

Русь долгое время не предпринимала, не отмечено ее посольств в империю, замолк ее голос на Востоке. И это вполне объяснимо: вторая половина 40-х гг. отмечена на Руси острым социально-политическим кризисом. Поднялись древляне, выступившие против произвольного, неупорядоченного взимания дани русской верхушкой. Игорь был убит, а древлянская земля отложились от Киева. И хотя Ольга жестоко подавила восстание древлян и возложила на них «дань тяжьку», тем не менее вынуждена была провести первую в истории Руси реформу налогового обложения русских земель. По всей русской земле — по Днепру, у древлян, новгородских словен — она установила фиксированные оброки и дани.

На все это ушли месяцы, если не годы. И лишь под 955 г. в летописи идет запись о том, что княгиня Ольга побывала в Константинополе. Эти сведения находят подтверждение и в других источниках — сочинении ее современника, византийского императора Константина VII Багрянородного, принимавшего Ольгу в византийской столице, греческих и немецких хрониках. Константин VII, правда, приводит сведения, позволяющие говорить об иной дате ее посещения Византии — 957 г.

К середине 50-х гг. перед русской внешней политикой встали новые задачи. Русь исправно выполняла свои союзнические обязательства на востоке, западе, юго-востоке византийских границ; из политических неурядиц 40-х гг. она вышла более окрепшей, мощной, сплоченной. Ее социально-экономическое и политическое развитие требовало новых внешнеполитических инициатив, установления новых внешних связей, расширения и укрепления торговых путей, возвышения международного престижа древнерусского государства. И за свою союзную помощь Русь вправе была требовать от Византии новых политических привилегий.

Русь, в свою очередь, в это время нужна была Византии как противовес против Хазарии, как поставщик союзных войск в борьбе с арабами.

Все более остро вставала перед Русью проблема христианизации. Большинство ведущих стран Европы уже приняли крещение. Новая религия значительно укрепляла позиции растущего класса феодалов, возвышала международный престиж христианизированных государств. Русь уже неоднократно примеривала христианство к своему государственному опыту, но языческая оппозиция каждый раз отбрасывала его прочь. И все-таки христианство пробивало себе дорогу. К крещению Руси стремилась и Византия, стараясь тем самым нейтрализовать опасного соседа, привязать его к своей политике, поскольку византийский патриарх считался главой всей христианской церкви в регионе.

В этих условиях стороны нуждались в переговорах, наполнении договора 944 г. новым конкретным содержанием. Поэтому путешествие русской великой княгини в Византию было своевременным и вполне оправданным политическим шагом.

Впервые в истории взаимоотношений двух стран высокая русская владетельная особа готовилась к визиту в Константинополь.

Летом 957 г. огромное русское посольство во главе с великой княгиней двинулось в Константинополь. Состав посольства, не считая охраны, корабельщиков, слуг, перевалил за сотню. В свиту княгини входил ее ближайший родственник — Анепсий, как его называли греки, занимавший в посольстве второе место после Ольги, 8 ее приближенных — знатных бояр или родственников, 22 знатных русса, члены посольства, 44 торговых человека, люди Святослава, священник Григорий, 8 человек свиты послов, 2 переводчика, а также приближенные женщины княгини. Столь пышного, столь представительного посольства

Прибытие русской
княгини Ольги в
Царьград

Русь в Византию еще не засылала.

Русская флотилия прибыла в константинопольскую гавань, а далее начались осложнения. Император впервые принял Ольгу лишь 9 сентября, т. е. тогда, когда русские караваны обычно собирались в обратный путь. Около двух месяцев руссы ожидали приема. Позднее Ольга вспомнит об этом в Киеве, когда к ней придут послы из Византии, в гневе она скажет им: «...постоиши у мене в Почайне (в киевской гавани, в устье реки Почайны, впадающей в Днепр. — А. С.), яко же азъ в Суду (в константинопольской гавани. — А. С.)...» Русская княгиня не забыла о долгом стоянии в «Суду» и по прошествии нескольких месяцев. В чем же дело? Почему такое неуважение было оказано желанной гостье и союзнику? Ответ заключается в порядке двух приемов русской княгини в императорском дворце — 9 сентября и 18 октября, которые подробно описал Констан-

Прием киевской
княгиней Ольгой
византийских послов на
Руси

тин VII в своем труде «О церемониях». Этот порядок вышел далеко за рамки обычного, не имел аналогий во время встреч с другими иностранными представителями и никак не соответствовал византийскому церемониалу, за который свято держалась византийская империя и особенно Константин VII, блюститель и хранитель вековых традиций. Обычно любой, кто приближался к трону византийских императоров, совершал проскинесис — падал ниц к императорским стопам, но ничего подобного не произошло с Ольгой: 9 сентября она без сопровождения подошла к трону, лишь легким наклоном головы приветствовала Константина VII и стоя беседовала с ним. Затем она была принята императрицей.

После небольшого перерыва состоялась встреча русской княгини с императорской семьей, на что никогда даже не претендовали иностранные послы и владетельные особы. Здесь Ольга имела главный раз-

говор с императором по всем интересующим обе стороны вопросам. При этом русская княгиня сидела, что также было делом неслыханным. На парадном обеде Ольга оказалась за одним столом с членами императорской семьи. Такого же рода привилегии были даны русской княгине и во время второго приема.

Конечно, все эти отступления от традиций византийского дипломатического церемониала нельзя считать случайными. Руссы, видимо, настаивали на исключительно высоком уровне приема, а греки упорствовали, стараясь сохранить дистанцию между Русью и великой империей. Теперь становится понятным долгое ожидание Ольгой первого приема: шла напряженная дипломатическая борьба по вопросам церемониала, которые в отношениях между странами всегда имели принципиальный характер и показывали уровень престижа того или иного государства, его место среди других держав. Русь требовала если не равноправия, то по крайней мере больших привилегий; империя упорствовала. Но Византии нужна была русская помощь, и грекам пришлось уступить.

Как и следовало ожидать, вопрос о христианизации занял одно из центральных мест в переговорах Ольги с Константином VII.

Русская летопись рассказывает, что Ольга решила принять крещение в Константинополе, а император эту мысль поддержал. На это княгиня ответила ему: «...аще мя хочещи крестити, то крести мя самъ». В этом собственно был весь смысл проблемы. Используя желание Византии христианизировать Русь, Ольга стремилась получить крещение непосредственно из рук императора и патриарха. Причем императору отводилась роль крестного отца. Летопись отмечает: «И крести ю (ее. — А. С.) царь с патреархомъ». В крещении русская княгиня приняла имя Елены

в честь матери императора Константина Великого, сделавшего христианство государственной религией Римской империи. Видимо, обо всем этом и шел разговор в кругу императорской семьи 9 сентября 957 г.

Крещение русской княгини происходило в храме святой Софии, в главном христианском святилище империи. В знак своего пребывания здесь Ольга преподнесла храму золотое блюдо, украшенное драгоценными камнями.

Все в этой церемонии имеет огромное политическое значение.

Во-первых, сам факт крещения русской княгини. При наличии на Руси сильной языческой оппозиции, которую возглавлял молодой Святослав, опиравшийся на языческую дружину, вопрос о крещении всей страны был еще преждевременным, он мог вызвать недовольство и в русских верхах, и в народе. Но был уже опыт западноевропейских стран, когда англосаксонский и франкский короли в свое время принимали крещение при участии представителей римского папы без обращения в христианство всех франков или англосаксов. Незадолго до появления Ольги в Византии личное крещение в Константинополе приняли венгерские вожди Булчу и Дьюла, хотя вся Венгрия приняла христианство лишь на рубеже X—XI вв. Такой путь являлся более безболезненным, постепенным. Судя по договору Игоря с греками 944 г., на Руси было уже немало христиан, в Киеве стояла церковь святого Ильи. Теперь крещение русской княгини, конечно, сильно укрепляло позиции русских христиан, делало христианизацию всей страны лишь вопросом времени. Русь в этом случае использовала примеры других крупных раннефеодальных монархий Европы.

Во-вторых, акт крещения Ольги высшими представителями светской и церковной власти империи

чрезвычайно возвышал и ее личный престиж, и политический престиж Руси.

В-третьих, политическому резонансу крещения способствовало и то, что Ольга взяла христианское имя Елены, широко известной деятельницы империи, а также получила титул «дочери» императора.

Но не только вопросы крещения обсуждались во время первой беседы у императора. Речь шла и о династическом браке молодого Святослава и юной дочери Константина VII — Феодоры.

Породниться с византийским императорским домом было почетно для любого государства, любой династии, но Византия тщательно охраняла эту свою привилегию, предоставляя ее либо очень известным и сильным европейским монархиям, скажем Франкской империи, позднее — Германскому королевству, либо шла на подобные браки под влиянием обстоятельств. Так, нуждаясь в VII в. в помощи хазар против натиска персов и аваров, византийский император Ираклий обещал хазарскому кагану отдать в жены свою дочь Евдокию, если тот пришлет ему 40 тыс. всадников. В 20-х гг. X в., стремясь замирить Болгарию, Роман I Лакапин отдал за царя Петра свою внучку Марию. Впоследствии Константин VII в своих сочинениях оценил эти факты как позор империи.

Несомненно, что Ольга с ее престижными претензиями могла поставить в Константинополе вопрос о династическом браке, тем более что император просил у нее, как сообщает летопись, «вои в помощь». На это указывает и присутствие в свите Ольги таинственного родственника, которым вполне мог быть молодой Святослав.

Но если переговоры о браке Святослава с византийской принцессой и состоялись, то они кончились ничем: греки еще не считали Русь достойной династических связей. Это также не могло не задеть русскую княгиню и ее сына, который, как известно,

в дальнейшем стал одним из самых упорных и опасных противников Византии.

Ольга и Константин VII, несмотря на определенные расхождения, подтвердили действия договора 944 г., в частности, в отношении военного союза. Это видно из того, что спустя некоторое время византийское посольство явилось в Киев с просьбой прислать русских воинов в Византию. Русский отряд вновь пришел на помощь империи в ее борьбе с арабами.

При Ольге сфера дипломатических усилий Руси значительно расширяется. Так, впервые после 839 г. направляется русское посольство на Запад, в земли Германского королевства. Сведения об этом имеются в немецкой хронике, принадлежащей перу некоего анонимного продолжателя хроники аббата Регинона. Под 959 г. он сообщил, что во Франкфурт, где германский король праздновал рождество, пришли «послы Елены, царицы ругов», которая крестилась в Константинополе, с просьбой «притворно как впоследствии оказалось» «поставить... епископа и пресвитеров их народу». Просьба была удовлетворена, на Русь направлен монах Адальберт. Под 962 г. тот же автор записал: «Адальберт, посвященный в епископы для руссов, не сумев преуспеть ни в чем, для чего он было послан, и видя свой труд тщетным, вернулся назад. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты и сам он с большим трудом едва спасся». Так неудачно закончилась попытка немецких крестителей Руси.

Во всей этой истории неправдоподобной выглядит цель русского посольства, как она изложена немецким хронистом. Трудно предположить, что Ольга, имея на Руси серьезную языческую оппозицию во главе со своим сыном Святославом, сама недавно принявшая крещение по константинопольскому образцу, обратилась с просьбой о крещении всей Руси к гер-

манскому королю Оттону I, связанному тесно с папским Римом.

Последующие события это подтвердили. Об этом же говорят и слова автора хроники, что руссы «притворно» обратились с этой просьбой, т. е. никакого серьезного намерения крестить Русь руками немецкого епископа в Киеве у них не было.

Смысл событий заключается в другом. Русь того времени активно продолжала искать международные контакты. Со всеми окрестными странами ее уже связывали дипломатические отношения. Лишь Германское королевство, сильное европейское государство, до сих пор было вне сферы внимания русских политиков. Давнишнее и неудачное посольство 839 г. в Ингельгейм уже забылось, и теперь Русь попыталась вступить в традиционные отношения «мира и дружбы» с Германией, за которыми обычно стояли обмен посольствами, содействие в развитии торговли между двумя странами. В этих условиях русское правительство могло согласиться на допуск в русские земли немецких миссионеров. Адалберт, посчитавший себя действительно главой христианской церкви на Руси и попытавшийся внедрить новую религию среди народов, потерпел неудачу в своих намерениях. Против него возмутились киевляне, и он был с позором выгнан.

Тем не менее установившиеся правительством Ольги дружественные отношения с Германией уже не прерывались.

«Сабельный удар» Святослава

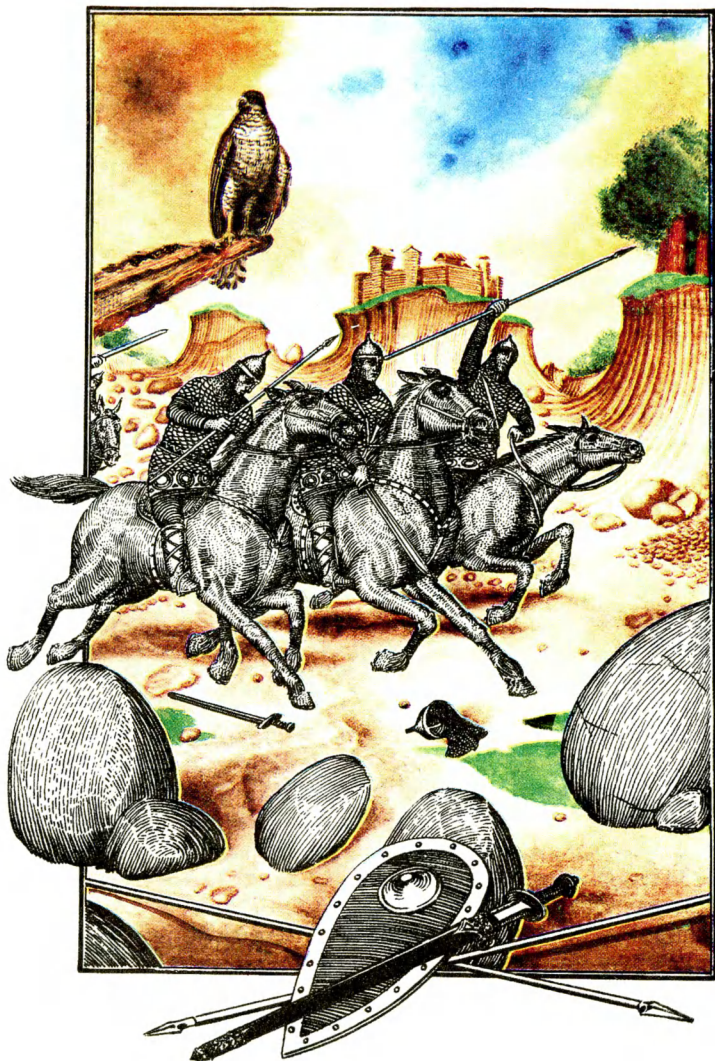
Конец Хазарии. В середине 60-х гг. X в. Русь предприняла ряд новых военных походов на Восток и на Запад. Инициатором, вдохновителем и орга-

низатором этих походов стал князь Святослав Игоревич, которому в это время было уже за двадцать и который, опираясь на верную ему языческую дружину, старых воевод Игоря, сумел отодвинуть в тень княгиню Ольгу и взять руководство страной в свои руки. Его походы в 964—967 гг. прочертили на карте Восточной Европы огромную дугу, края которой упирались в Каспийское побережье Кавказа и устье Дуная, а вершина приходилась на междуречье Волги и Оки, на леса, где жило восточнославянское племя вятичей. «Сабельным ударом» великого полководца назвал эти походы, эту дугу видный советский историк академик Б. А. Рыбаков.

Сохранился портрет Святослава, данный в «Истории» византийского автора Льва Дьякона. Это описание дополняет образ князя, нарисованный Нестором. Невысокого роста, коренастый, немногословный, в скромной одежде, отличающейся от обычной одежды воинов лишь своей чистотой, с бритой головой и свисающим по славянскому обычаю чубом — таким предстает Святослав под пером византийского хрониста. Лишь одно выделяет его среди своих соратников — золотая серьга с прекрасным рубином, которая была вде́та в его левое ухо.

В течение многих поколений историки рассматривали Святослава в соответствии с этим образом, в связи с его молниеносными и грозными походами лишь как талантливое военачальника, храброго воина, вечного воителя. Такое понимание, в общем правильное, но одностороннее, затушевывало его государственную и дипломатическую деятельность, которая также отличалась крупными масштабами, смелостью решений, ясным и глубоким пониманием государственных интересов Руси.

К середине 60-х гг. внутри- и внешнеполитическое положение Руси стабилизировалось. Во главе государства стоял молодой князь, создавший много-

численную и преданную ему дружину. Русско-византийский договор 944 г. был подтвержден, а это означало, что, посылая свои войска на помощь империи, Русь в то время получила ее благожелательный нейтралитет, а в случае необходимости и военную помощь в борьбе с Хазарией.

В 964 г., по сведениям «Повести временных лет» и арабского автора Ибн-Хаукаля, русское войско двинулось в междуречье Волги и Оки, в землю вятичей.

Святослав не случайно появился в здешних местах: вятичи были последним восточнославянским племенем, которое еще уплачивало дань хазарам.

Руссы прошли сюда давно знакомым сухопутным торговым путем — от Киева в район современного Воронежа, а далее через лесостепные пространства в район Пензы и южнее Тамбова, затем через мордовские леса и степи к правому берегу Волги. Но о присоединении вятичей к древнерусскому государству нет никаких сведений, и это тоже не случайно. Уже на этом этапе Святослава интересовало не подчинение вятичей, а противник более серьезный. Русский князь лишь спросил вятичей: «Кому дань даете?» И те ответили: «Козаромъ пощлягу (денежная единица. — А. С.) от рала (от плуга. — А. С.) даемъ». А затем идет фраза: «Иде Святослав на козары». Уже в этом шаге виден определенный расчет русского князя: ему нужен был спокойный и дружелюбный вятичский тыл; присоединение вятичей пока не входило в его планы. Но зато, пройдя земли вятичей, Святослав нанес страшный удар по землям союзников Хазарии — Волжской Булгарии и бургасов. Руссы, по данным восточного автора, разорили земли бургасов, опустошили город Булгар и жители его разбежались. И уже вслед за этим «пришли в Хазаран, Самандар и Итиль...». Летопись рассказывает, что хазарский «каган выступил навстречу Святославу «и съступишася би-

тиса, и бывши брани, одоле Святославъ козаромъ...» Русские и восточные авторы сообщают, что руссы взяли столицу Хазарии — город Итиль, расположенный в устье Волги, и, продолжая движение на юг, нанесли удар по северокавказским владениям каганата. Там был взят и сожжен город Семендер, бывшая столица хазар. Затем руссы прошли через земли алан и касогов и вышли на хазарскую крепость Саркел, которая в русских летописях носила название Белая Вежа.

Саркел — это старое хазарское разбойничье гнездо, откуда каганат постоянно угрожал русским границам, — был буквально стерт с лица земли. Этот поход решил судьбу Хазарии. Отныне она перестала существовать как политическая сила. Византия при этом хранила полное молчание — действовал русско-византийский военный союз, заключенный в 944 г.

Если в Семендере, в Прикаспии Святослав долго не задерживался и не проявлял к этому району никакого интереса, то на Волге, в землях каганата руссы повели себя по-другому. Ибн-Хаукаль сообщает, что они попытались закрепить эти земли за собой и заключить с местной верхушкой, проявившей лояльность в отношении победителей, мирный договор. Местные жители, поначалу разбежавшиеся, затем вернулись на старые места и «просили, чтобы с ними заключали договор, и они были бы покорны им (руссам. — А. С.)». Дипломатия вновь пришла на помощь оружию.

Другие сведения показывают, что Святослав не собирался отказываться от завоеванных земель. Вместе с освоенным ранее Таманским полуостровом и устьем Днепра владения Руси охватывали теперь огромную территорию Поволжья, Приазовья и Северного Причерноморья. Лишь южное побережье Крыма с Херсонесом и прилегающие к греческим владениям зем-

ли херсонесских сателлитов в северной части Крыма оставались вне русского влияния.

В 966 г. были наконец покорены и вятичи. Они вошли в состав Русского государства.

По мере утверждения Руси в Северном Причерноморье и освоения захваченных территорий нарастало напряжение между местными византийскими колониями и Русью. Судя по сведениям греческих и восточных авторов, между ними начались столкновения. Дело кончилось нападением русского отряда на византийские климаты — область, находившуюся под защитой Византии. После отпора руссы ушли, для того чтобы, собравшись с силами, нанести врагу окончательный удар. Но глава климатов — топарх не стал искушать судьбу: он отправился к Святославу, согласился отдаться под протекторат Руси и, обласканный русским князем, сохранив управление над своей областью, вернулся на родину. В этих условиях положение Херсонеса стало угрожающим.

Посольство Калокира. Именно в это время в русской столице появился византийский посол патрикий Калокир, сын херсонесского стратига. Уже одно то, что посол принадлежал к херсонесской верхушке, указывало на серьезное осложнение между Русью и Византией в Северном Причерноморье и Крыму. Но не только эти проблемы беспокоили в то время Византию. Обострились ее отношения с Болгарией. В 966 г., т. е. в то время, когда, сокрушив Хазарию, Русь осваивала захваченную территорию и подступала вплотную к византийским владениям в Крыму, разгорелся конфликт между Болгарией и Византией. К тому времени Болгария окончательно попала в сферу влияния Византии. Во главе страны стояли деятели, настроенные провизантийски. Но в стране имелись влиятельные противники Византии. Еще живы были традиции царя Симеона, боярские и цер-

ковные круги настаивали на возвращении Болгарии на путь самостоятельной политики, на путь прежнего союза с Русью, с которой страну связывали давние политические, экономические и культурные отношения. Обострились противоречивые политические тенденции, в стране усиливалась феодальная раздробленность, приводившая к ослаблению централизованного руководства. В то же время Византия к 60 гг. X в. сумела преодолеть многие свои внутри- и внешнеполитические трудности. К этому времени она обладала превосходной армией, ядро которой составляли закованные в броню всадники. Новым императором Византии стал известный полководец Никифор Фока. Он перешел к активному наступлению на Арабский халифат, отвоевал остров Кипр, захватил ряд крепостей в Малой Азии, отказался платить дань сицилийским арабам, предпринял мощное наступление против халифата в Сирии.

Византия хотя и сумела во многом ослабить Болгарию, нейтрализовать ее, но по-прежнему боялась и ненавидела своего основного противника на Балканах, который в союзе с Русью и Венгрией мог представлять еще грозную силу.

В этих условиях острое недовольство в Византии вызвало разрешение Болгарии проходить венгерским отрядам по своей территории к византийским границам. В Константинополе подозревали, и не без оснований, что между венграми и болгарами существовал по этому поводу тайный сговор. Болгария силами венгров еще пыталась как-то освободиться от той железной хватки, которой ее держала последние годы империя.

Никифор Фока потребовал от болгарского царя Петра воспрепятствовать венгерским рейдам к югу от Дуная. Но то ли болгары не хотели удовлетворить эту просьбу, то ли у них не было сил воспрепятствовать натиску венгров на владения Византии,

но венгерские нападения через болгарскую территорию продолжались. Вернее всего предположить, что в болгарском руководстве брали верх то провизантийские, то антивизантийские настроения и политика страны была переменчивой, непоследовательной.

Когда царь Петр попытался продлить действие прежнего мирного договора между Болгарией и Византией, греки согласились, но лишь при условии, что болгары окончательно закроют для венгров свою территорию, а в виде гарантии отправят в Константинополь в качестве заложников сыновей царя — Бориса и Романа. Византия диктовала свою волю ослабевшему ненавистному противнику. А в 966 г. после очередного нападения венгров на Византию из Константинополя с позором было изгнано болгарское посольство, которое явилось туда за ежегодной данью, которую, согласно условиям мира, Византия платила Болгарии, как и Руси.

Никифор Фока двинул войска к границам Болгарии и одновременно отправил Калокира к Святославу. По данным византийского историка Льва Дьякона, писавшего в X в., перед Калокиром была поставлена цель: «...чтобы он, раздавши тысяча пятьсот фунтов (15 кентинариев) врученного ему золота, привел их (руссов. — А. С.) в землю мисян (болгар. — А. С.) для ее завоевания». Византийский историк, видимо, не знал о событиях, разыгравшихся в Северном Причерноморье и в Крыму, не ведал он и о том, что Русь прочно осваивала район устья Днепра и, вопреки договору 944 г., ставила там свои зимние поселения, в одном из которых, кстати, зимовал Святослав, блокированный на порогах печенегами, после своего возвращения из похода на Балканы; неведомо было Льву Дьякону и то, что Русь и Византия к 966 г. находились в состоянии войны.

В этих условиях мы должны совершенно по-иному понимать цель посольства Калокира в Киев.

Совершенно очевидно, что сын херсонесского стратига должен был предотвратить натиск Святослава на византийские владения в районе Северного Причерноморья, в первую очередь отвлечь его от крымских колоний империи. Взамен Византия соглашалась с появлением русского войска на Дунае, в районе, который издавна притягивал к себе внимание русского купечества, так как отсюда открывались торговые пути и на Балканы, и в Византию, и в страны Западной Европы.

Византия, судя по дальнейшему развитию событий, стремилась столкнуть между собой два славянских государства, наказать болгар руками русских, а потом при помощи Болгарии удалить Святослава с Дуная.

Свои цели были у Святослава, и это видно из тех сообщений, которые приводит тот же Лев Дьякон. Он рассказывает, что Калокир явился к русскому князю, «подкупил его дарами, очаровал лестными словами» и убедил выступить против болгар, однако с тем условием, чтобы, «покоривше их», удержать их страну «в собственной власти», а ему, Калокиру, содействовать в завоевании византийского престола. В свою очередь Калокир якобы обещал Святославу предоставить за это «великие сокровища из казны государственной».

Византийцы пытались сделать Святослава орудием своей политики, а русский князь стремился использовать ситуацию для сокрушения главного соперника в Северном Причерноморье, Поднепровье и Подунавье — Византийскую империю. Планы его простирались далеко: он намеревался, судя по данным Льва Дьякона, которые подтверждаются и другими — русскими, византийскими и восточными — источниками, победить Византию, посадить на ее трон своего ставленника, оторвать Болгарию от союза с империей и помочь взять власть в Болгарии

феодалной группировке, дружественно настроенной по отношению к Руси. Сам он стремился, как мы это увидим ниже, не к завоеванию Болгарии, а к овладению лишь Нижним Подунавьем — ключом к транзитной торговле в тогдашней Восточной Европе. Судя по тому, что в 967 г. русское войско уже появилось на Дунае, поход был запланирован ранее и Византия вовсе не приглашала туда Святослава (ей было бы невыгодно иметь рядом такое опасное соседство), а просто согласилась с его присутствием в Подунавье, пытаясь извлечь из этого для себя максимум выгоды.

Таким образом, в 967 г. Святослав заключил с византийским представителем два договора: один — официальный, как с послом Никифора Фоки, а второй — тайный, личный с самим Калокиром. По первому договору Русь и Византия вновь восстанавливали между собой мирные отношения, нарушенные столкновением из-за Херсонеса. Вновь вступал в действие договор 944 г. и одно из его главных условий — выплата империей дани Руси. Русь отказывалась от своих притязаний на византийские владения в Крыму, а Византия обязалась соблюдать нейтралитет во время предстоящего русского похода на Дунай. Второй договор показывал, что Святослав уже в 967 г. предвидел события. Руссы прекрасно понимали, что основное столкновение после овладения Нижним Подунавьем произойдет с Византией: империя не согласится с присутствием там опасного соседа. Святослав заранее готовился к будущей борьбе. Заключенный договор между Русью и Византией с момента своего появления был обречен на провал.

Поход на Дунай. Летом 967 г. русская рать появилась на Дунае. Святослав двинулся туда не сразу, а вначале вышел к Днестру, где, по сведениям

историка В. Н. Татищева, располагавшего не дошедшими до нас летописными данными, «ему помощь от венгров приспела», потому что Святослав с ними «имел любовь и согласие твердое». Это известие подтверждается и последующими нападениями венгров на Византию, и открытым военным союзом двух стран против империи, и совместным походом их войск на Константинополь.

Движение союзных войск на Дунай в 967 г. показало, что, готовясь к этому военному предприятию, Святослав направил своих послов к венграм и договорился с ними о совместных действиях.

А далее все было так, как условились Русь и Византия. Святослав одолел высланное против него болгарское войско, овладел на берегах Дуная рядом городков во главе с местным центром — Переяславцем и сел княжить, как говорит летопись, в этом городе, «емля дань на гръцех», т. е. по-прежнему получая ежегодную дань с Византии. «Сабельный удар» Святослава был завершен: конец «сабли» уткнулся в дельту Дуная, очертив огромную территорию, на которой Святослав одержал военные победы и не только сокрушил своих соперников, но, что самое главное, попытался сохранить за Русью жизненно важные районы Поволжья, Северного Причерноморья и Подунавья.

У Руси не было намерения захватывать Болгарию, как об этом тут же затрубили в Византии и как позднее об этом многократно писали буржуазные болгарские и западные историки. С лета 967 г. по лето 968 г. Святослав оставался в Переяславце. Позднее он сказал откровенно о своих намерениях: «Не люблю ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа (середина. — А. С.) земли моеи, яко ту вся благая сходятся».

Летопись четко отразила стремление русского князя закрепиться в Подунавье, потому что и позднее,

когда он вторично вернулся сюда после годовичного пребывания на Руси, считал, что он навсегда уходит из Киева, так как разделил Русскую землю между своими сыновьями, а свою резиденцию перенес в Переяславец. Это был шаг большой государственной важности, который при удаче резко мог изменить всю последующую историю Руси.

Русь на балканских рубежах

Дипломатическая схватка. К лету 968 г. отношения Руси с Византией и Болгарией были дружественными, мирными. Ни о каких военных действиях с болгарами нет сведений. Внешне добрые отношения складывались и с Византией. По данным итальянского посла епископа Лиутпранда, который был в это время в Константинополе, на рейде города стояли суда русского торгового каравана.

Однако, припугнув Болгарию и вынужденно согласившись с русским появлением в Подунавье, Византия готовилась к борьбе с Русью. По сообщению Льва Дьякона, как только Никифор Фока узнал о победах Святослава, он предпринял против руссов ряд военных приготовлений: начал организовывать армию и флот для похода к дунайским берегам, приказал замкнуть Босфор цепью во избежание внезапного нападения русского флота.

Византийское правительство предприняло также шаги для нормализации отношений с Болгарией и для организации в дальнейшем болгаро-русской войны.

В Преславу — столицу Болгарии отправилось императорское посольство, состоящее из опытных дипломатов — епископа Феофила Евхаитского и Никифора Эротика с предложением царю Петру военного союза против Руси, подкрепленного династическими узами византийского и болгарского царствующих домов. В июне 968 г. в Константинополе

с почетом принимали ответное болгарское посольство.

Были направлены послы и в степь к печенегам. Результатом этого посольства явился набег печенегов на русские земли летом 968 г.

Считая, что дело сделано, болгары наказаны, а руссы вот-вот покинут Дунай и уйдут воевать с кочевниками, Никифор Фока дал приказ своим лучшим легионам во главе с видным полководцем патрикием Петром двинуться в Сирию. Вскоре Петр осадил один из главных городов Сирии — Антиохию. Как и ожидалось в Константинополе, печенеги осадили Киев, и Ольга направила гонцов в Переяславец.

Оставив в Переяславце часть своего войска во главе с воеводой Волком, Святослав налегке, с конной дружиной двинулся на выручку своего стольного города. Киевляне сумели отсидеться за крепкими стенами и даже заключили перемирие.

Святослав вышел в степь в поисках врагов, настиг их и разбил. После этого с печенегами был заключен мир. Теперь его взоры вновь обратились к любимому Дунаю. Но события задержали его в Киеве. Тяжело занемогла Ольга, и Святослав остался около заболевшей матери. После ее смерти в июле 969 г. он посадил своего старшего сына Ярополка в Киеве, остальных сыновей — в других русских землях и вновь повел войско на Дунай.

К этому времени положение там резко изменилось. Воспользовавшись отсутствием Святослава, в болгарском руководстве вновь подняли голову сторонники провизантийской ориентации. Царь Петр разорвал мир с Русью, и болгарское войско осадило Переяславец. Руссы затворились и упорно оборонялись, но, когда почувствовали, что в городе против них зреет заговор и часть горожан вот-вот вступит в контакт с осаждающими, воевода Волк принял решение уйти из города. Русский князь встретил отступившее из Болгарии войско на Днестре.

В Константинополе ликовали. Кажется, все шло по заранее намеченному плану. Но Русь не осталась в долгу и в ответ на печенежский рейд на Киев нанесла встречный удар. Союзники Святослава венгры в это же время, летом 968 г., пройдя снова по болгарской территории, обрушились на греческий город Фессалонику, и грекам стоило большого труда отбить это нападение. Венгры забрали большую добычу и пленных.

А к концу лета 969 г. Святослав был уже вновь около Переяславца. Начался его второй поход на Балканы.

Таким образом, за годы «сабельного удара», 964—968 гг., Русь включилась в активную дипломатическую деятельность. Святослав заключил договоры с населением захваченных территорий в Поволжье и Приазовье, с крымскими вассалами Византии, подтвердил договор 944 г. и обновил военный союз с Византией. После овладения Подунавьем появился договор с Болгарией, а в 968 г. он утихомирил степь и заключил мир с печенегами. Кроме того, русское посольство было направлено к венграм; Святослав вступил в тайный союз с Калокиром.

Святослав быстро восстановил утраченные на Дунае позиции. Он нанес поражение болгарскому войску под Переяславцем, а затем штурмом взял и сам город. Святослав казнил в городе противников Руси — «казни в нем изменников смертью».

Расчет болгарского правительства на помощь Византии не оправдался — греческие войска стояли в это время под Антиохией; в октябре 969 г. город наконец был взят. К тому же империя и не собиралась, по словам Льва Дьякона, помогать своему вечному врагу — Болгарии.

Именно к этому времени относится обострение русско-византийских отношений.

В декабре 969 г. в Константинополе произошел

государственный переворот. Никифор Фока был убит, и на трон взошел Иоанн Цимисхий, видный военачальник и государственный деятель Византии.

Продолжая линию прежнего императора, Цимисхий направил к Святославу посольство, которое потребовало, чтобы русская рать покинула берега Дуная. Святослав дал дерзкий ответ: он требовал за оставляемые дунайские города огромного выкупа либо ухода греков из Европы, «им не принадлежащей», в Азию. Когда же византийцы направили к русскому князю второе посольство, то он им ответил еще более дерзко, заявив, что руссы скоро поставят свои шатры «перед византийскими воротами». Это означало разрыв всяких отношений и начало войны. Наступал 970 г.

На полях Фракии и Македонии. Военные действия разгорелись лишь к лету 970 г. Они развертывались на полях Фракии и Македонии. Но Святослав пришел сюда не один: вместе с ним шли союзные венгерский, болгарский и печенежский отряды. Это была настоящая антивизантийская коалиция, организацией которой русские дипломаты, видимо, занимались в 969—970 гг. Хронист Иоанн Скилица сообщил, что венгры появились в составе русского войска лишь после того, как руссы послали к ним в Паннонию своих послов. Это было уже второе за последнее время посольство в дружественную Венгрию, и каждое оканчивалось тем, что венгры слали русскому князю свою помощь.

С печенегами Святослав в 968 г. заключил мир. До этого они долгими десятилетиями были союзниками Руси; в 944 г. даже шли в составе русских войск на Константинополь. Так что путь в печенежские степи был хорошо известен не только византийским, но и русским послам. Теперь печенежская конница пришла на помощь Святославу. Любопытно, что в

русско-византийском договоре, который был заключен через год после этих событий, греки взяли со Святослава обещание, чтобы он «языка иного» не приводил на Византию.

Послали Святославу на помощь свой отряд и болгары. На этом этапе войны руссам удалось нарушить союз с Византией. Болгария в это время, потеряв Нижнее Подунавье, оставалась самостоятельным государством, сохранила свою армию. Руссы, как и венгры, лишь проходили по ее территории к византийским границам; основная резиденция Святослава оставалась там же, на Дунае. Но во главе страны, близ трона нового царя Бориса II, вставшего на престол после смерти своего отца Петра, стояли, видимо, уже другие люди, и это хорошо видно из того отношения, которое проявила Византия к своему недавнему союзнику. С лета 970 г. и до конца войны в июле 971 г. империя рассматривала Болгарию наряду с Русью как своего злейшего врага. Последующие военные действия, которые велись на территории Болгарии, показали это. Полное сокрушение Болгарии, уничтожение ее государственности, превращение в провинцию Византийской империи — к этому стремились греки во время военной кампании в 970 и 971 гг.

Во Фракии действовала основная русская рать во главе с самим Святославом. Другая часть русского войска совместно с союзными венграми, болгарами и печенегами дралась на подступах к Константинополю.

Во Фракии русской рати противостоял патрикий Петр; подступы к византийской столице прикрывала десяти тысячная армия магистра Варды Склира.

«Повесть временных лет» оставила нам впечатляющую картину сражения Святослава с прославленным византийским полководцем. Перевес сил был на стороне греков и поначалу «Русь убояшася

зело множества вой». Тут Святослав обратился к воинам со своей знаменитой речью: «Уже намъ некамо ся дети (некуда деться. — А. С.), волею и неволею стати противу; да не посраимъ земле Руские, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имамъ». Битва была жестокой. В конце концов греки дрогнули и побежали.

Лев Дьякон, подробно описавший ход всей войны летом 970 г., умолчал об этой битве. Но исход ее не вызывает сомнения и по византийским данным: о патрикии Петре и его фракийской армии нигде нет более ни строчки.

По-иному события разворачивались на подступах к Константинополю. Здесь, по сведениям византийских авторов, наступала союзная армия, состоящая из руссов, венгров, болгар и печенегов. Так, хронист Иоанн Скилица отмечает, что в этой битве «варвары были разделены на три части. Болгары и руссы составляли первую часть, турки (венгры. — А. С.) — другую и печенеги — третью». Любопытно упоминание о том, что руссы и болгары дрались вместе.

Союзники в этой битве потерпели поражение. Первыми были опрокинуты печенеги, а потом Варда Склир вынудил к бегству и остальных.

Мирная передышка. В этих условиях греки решились на мирные переговоры. К Святославу, по данным летописи, направляется одно византийское посольство, затем второе. Византийские хроники молчат об этом, но зато сообщают, что Варда Склир был отозван с европейского фронта в Малую Азию на подавление восстания, поднятого против Иоанна Цимисхия родственником убитого императора — Вардой Фокой. А это также означает, что на балканском фронте наступила передышка,

Русская летопись подробно рассказывает, как

греки, посоветовавшись, пошли на мир. Они направили к Святославу посольство с дарами — золотом и дорогими тканями, но Святослав лишь сказал своим слугам: «Схороните». Переговоры кончились ничем. Второе посольство преподнесло русскому князю дорогое оружие. Святослав обрадовался и согласился на переговоры. За этими преданиями о преподнесении Святославу даров стоит, видимо, подлинная история многократных посольских встреч между руссами и греками, трудная выработка условий мира. Каждая из сторон считала себя одержавшей победу: Святослав — во Фракии, греки — под Константинополем, но и те и другие понимали, что очевидных успехов не видно: греки боялись наступления Святослава на столицу, а руссы, лишившись союзных отрядов, потеряли уверенность в конечной победе. Это и было основой нового мирного договора между Русью и Византией.

Таким образом, в ходе дипломатических переговоров летом 970 г. грекам не удалось добиться своей основной цели — вытеснить руссов из Подунавья. По существу, Византия вновь согласилась на невыгодный для себя русско-византийский договор 967 г., по которому стороны подтвердили прежнее соглашение 944 г., но с добавлением о том, что руссы появятся на Дунае, не говоря уже о том, что греки вновь обязались платить Руси ежегодную денежную дань. Кроме того, Византия потеряла Болгарию. И хотя союзная коалиция прекратила существование, венгры и печенеги ушли к себе на родину, но Болгария, во главе которой встали новые люди, находилась теперь в дружбе и союзе с Русью, как и прежде. Это было дипломатическим поражением Византии.

Святослав не добился своей основной цели: он не сумел сокрушить окончательно Византийскую империю, войти в Константинополь, посадить на

его трон своего ставленника. Однако и то, что было достигнуто, говорит о большом успехе русского оружия и русской дипломатии.

Наступила зима 970—971 гг. В это время в Константинополь явилось посольство русского князя. Византийские хронисты записали, что оно пришло «выведасть дела ромеев» (византийцев. — А. С.). Тем не менее Иоанн Цимисхий принял посольство.

Но не даром посылал Святослав своих разведчиков в Константинополь. Всю зиму и весну 971 г. Иоанн Цимисхий готовился к продолжению борьбы. Положение империи в это время было критическим. Нарастали внутренние трудности. Византия стояла перед лицом новой грозной военной коалиции — Руси и Болгарии.

В этих условиях Иоанн Цимисхий принимает решение в пасхальные дни 971 г., т. е. тогда, когда этого никто не ожидал, потому что весь христианский мир праздновал Пасху, прорваться через балканские теснины и выйти в Северную Болгарию.

Перед началом похода император преклонил колена в знаменитом храме Христа Спасителя, а потом горячо молился за успех дела в храме Богоматери во Влахернах, где греки не раз до этого искали духовную поддержку в грозные минуты опасности. После этого византийские легионы, вероломно нарушив мир, двинулись через Балканы, стремясь овладеть болгарской столицей Преславой.

Прорыв греков через Балканы. Как показала греческая разведка, проходы в горах действительно не охранялись: и руссы, и болгары проявили в этом смысле полную беспечность, понадеявшись на мирный договор с Византией. И возмездие не заставило себя ждать. Византийская армия неожиданно появилась под стенами Преславы. В это время там был лишь болгарский гарнизон и русский отряд.

Два дня продолжался штурм Преславы, которую вместе защищали болгары и руссы. Когда греки овладели первой линией стен, бои продолжались за царский дворец, который был превращен в настоящую крепость. Там хранилась казна болгарских царей, болгарская корона, другие знаки царского достоинства. Самого царя Бориса II греки взяли в плен вне дворца, в городе. Попала в плен и царская семья.

Преслава вместе со всеми ее богатствами, казной болгарских царей досталась грекам. Все ценности были тут же разграблены. Город был razорен. Греки вели себя в нем как завоеватели. Сами же византийские авторы сообщали, что византийские воины ходили по улицам, убивали «неприятелей», «грабили их имения». Двигаясь затем по территории Болгарии, византийские войска подвергли разгрому другие болгарские города.

Святослав направился навстречу грекам и дал им несколько сражений на полях Северной Болгарии. Но перевес сил был на стороне противника. К Цимисхию постоянно подходили новые силы, а Святослав, давно оторванный от родины, не имел возможности пополнить ряды своих воинов. Неожиданное нападение греков не позволило ему вовремя договориться о помощи с венграми; печенеги, судя по всему, были перекуплены греками.

В середине лета 971 г. Святослав был осажден войсками Иоанна Цимисхия в городе Доростоле на Дунае. Греческий флот блокировал руссов со стороны реки. Положение Святослава стало отчаянным. Но и в этих условиях руссы и их болгарские друзья проявили чудеса храбрости. Византийские авторы рассказывают, что в боях за Доростол руссы проявляли большое упорство; среди сражавшихся на их стороне оказывались и женщины, переодетые воинами. Сам Святослав дрался в первых рядах. Однаж-

ды ночью русский отряд, ведомый болгарскими проводниками, ушел вверх по Дунаю за продовольствием и благополучно вернулся обратно.

Дни шли, а Доростол держался. Более того, во время последнего ожесточенного сражения, когда руссы сделали вылазку, они потеснили греческое войско, и лишь введение в бой отряда императорских «бессмертных», которых вел сам Иоанн Цимисхий, спасло положение. В этой последней битве Святослав получил ранение. Многие русские и греческие военачальники были убиты. Погиб в бою и начальник фракийских легионов Иоанн Куркуас. Силы русского войска были на исходе. В этих условиях руссы продолжили переговоры, на которые греки с радостью согласились.

Последний договор. Русское посольство появилось в византийском лагере; в ответ греки направили свое, преподнесенное, по традиции, подарки русскому князю. Уже во время этих предварительных переговоров стороны договорились, что Византия возобновляет уплату дани Руси, а Русь по-прежнему становится союзником Византии, т. е. возобновляются основные условия договоров 907—944 гг.

В греческий лагерь был направлен русский посол, воевода Свенельд. От лица императора переговоры вел многоопытный дипломат — епископ Феофил Евхаитский. Эта третья посольская встреча должна была уже окончательно отработать проект договора, который в своих основных чертах, как указывает текст договора, был согласован во время второй встречи в Доростоле в присутствии самого Святослава.

Договор, как это следует из русской летописи и византийских источников, состоял из двух частей — устной договоренности и писаного документа. По устной договоренности стороны согласились, что руссы

передают грекам Доростол, освобождают пленных, уходят из Болгарии и возвращаются в свое отечество. Греки же обязывались предоставить руссам возможность покинуть на своих судах Доростол, не атаковать их своим огненосным флотом, предоставить им на обратную дорогу хлеб — по две меры на каждого воина.

Особо Святослав просил греков, чтобы они направили своих послов к печенегам и попросили их пропустить обескровленное и истощенное боями и невзгодами русское войско на родину. Император дал такое обещание, и в степь ушло посольство во главе все с тем же Феофилом Евхаитским.

Вторая часть соглашения — это письменный договор между Византией и Русью. Он восстанавливал отношения «мира и дружбы» между двумя странами. Уплата Византией дани по-прежнему лежала в основе этих отношений. В договоре также говорилось о «сохранении» всех прежних соглашений. А это значит, что Русь и Византия возвращались к отношениям, установленным равноправными межгосударственными договорами 907, 911, 944 гг.

Однако не все осталось неизменным. Конечно, поражение Святослава на берегах Дуная дало себя знать. Русский князь обязался не воевать более против империи, не приводить «языка иного», т. е. войск своих союзников, на подвластные Византии территории, не нападать более на Херсонес и его владения, а также на Болгарию. Эти обязательства означали отказ от балканской политики. Святославу приходилось распрощаться с милым сердцу Подунавьем. Обещает он, как и прежде, по договору 944 г., быть союзником Византии: «Да аще инъ кто помыслитъ на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся с нимъ».

В новом договоре, однако, нет ни слова ни о Днепровском устье, ни о русских территориях в Север-

ном Причерноморье. А это означает, что все прежние успехи Руси по закреплению за собой этих районов были признаны Византией. Оставались за Русью завоевания в Поволжье и Приазовье. Таким образом, обе страны вернулись к тем отношениям, которые сложились у них к 967 г., т. е. к началу первого похода Святослава на Дунай. А для Руси это было уже немало.

Две трагедии завершают войну на Балканах между Русью и ее союзниками и Византией. Первая — это полное подчинение Болгарии империи. Во всех болгарских городах были поставлены византийские гарнизоны, болгарские города, в том числе и столица, были переименованы по греческому образцу. Преславу в свою честь Цимисхий назвал Иоаннополис, а Доростол в честь своей жены — Феодорополь. Борис II был официально лишен трона и получил титул византийского магистра.

Цимисхий устроил себе торжественный въезд в Константинополь. Впереди него на колеснице везли болгарские символы власти: венцы, багряные одежды, священную для болгар икону Богородицы. Корона болгарских царей была отдана в храм святой Софии, а в императорском дворце Борис сложил с себя царские знаки отличия, снял драгоценную одежду и царскую обувь. Так империя отпраздновала победу над Болгарией.

Вторая трагедия разыгралась на днепровских порогах. Византийский посол, отправленный к печенегам, видимо, сделал все для того, чтобы те не пропустили на Русь добром злейшего врага империи. Печенеги заступили пороги, и Святославу пришлось зимовать в русских поселениях в устье Днепра. Зимовка была тяжелой, продовольствия не хватало. Начался голод. Летописец сообщал, что «глава коняча» стоила по полугривне. С первой водой Святослав решил в ладьях пробиваться на север, хотя Свенельд

уговаривал его двигаться с ним вместе с конной дружиной.

Свенельд благополучно добрался до Киева, а Святослава вновь на порогах ждали печенеги во главе с ханом Курей. Они напали на малочисленное русское войско, когда оно высадилось на берег, чтобы перенести ладьи через пороги. Святослав был убит. Так византийские дипломаты нанесли Святославу последний удар.

Но договор, заключенный им, сохранялся в силе.

Походы и дипломатия Святослава завершили целый этап в истории древнерусской внешней политики, в истории дипломатии Древней Руси. Этот период характерен созданием древнерусского государства в начале IX в., объединением им в конце IX — начале X в. под своей властью большинства восточнославянских племенных конфедераций — княжеств. На Руси бурно развивались социально-экономические, политические, культурные процессы. Под стать им быстрыми шагами двигалась вперед и организация русской дипломатии, которая еще в начале IX в. была отмечена первыми устными «мирами» с греками, а через несколько десятилетий дала образцы развернутых письменных дипломатических соглашений, представляющих достижения тогдашнего средневекового мира.

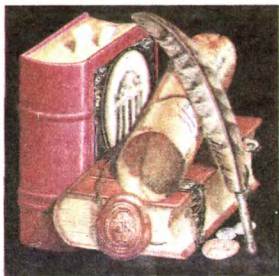
За период в сто с небольшим лет Русь, по самым скромным подсчетам, заключила свыше 30 дипломатических договоров разного уровня и типа — устных и письменных, долговременных и краткосрочных, открытых и тайных, не считая разного рода перемирий. Это были соглашения с Византией, Германией, Болгарией, Венгрией, Хазарией, варягами, печенегами, аланами, народами Закавказья, Поволжья, Приазовья, правителями греческих владений в Крыму. Лишь с Византийской империей Русь заключила 11 договоров.

Всем им сопутствовали многочисленные посольства в страны, посольские конференции. Русь принимала в свою очередь послов со всех концов тогдашнего мира. Русь стала участницей и организатором военных коалиций, вступала в военные союзы с другими государствами.

Особенно активно дипломатия Древней Руси стала развиваться со времени создания единого государства — с начала X в. К середине X в. Русь прочно занимает одну из ведущих позиций на международной арене. Усилия этих лет и подготовили тот дальнейший взлет международного престижа древнерусского государства, который определился в период правления Владимира I и особенно Ярослава Мудрого, когда Русь стала крупнейшей европейской державой раннего средневековья.

Дипломатия Древней Руси

Сахаров Андрей
Николаевич

Содержание

Введение

3

Первые шаги

5

Русско-византийские
«миры» IX в.

20

Поход на
Константинополь

27

Поход Руси на
Константинополь
в 907 г. и новый этап
русской дипломатии

33

Восточная политика
Руси в IX—X вв.

61

Русско-византийский
договор 944 г.

71

Дипломатия княгини
Ольги

91

«Сабельный удар»
Святослава

102

Русь на балканских
рубежах

113

Художник
Сальников А. В.

Заведующий редакцией
В. Ю. Кирьянов

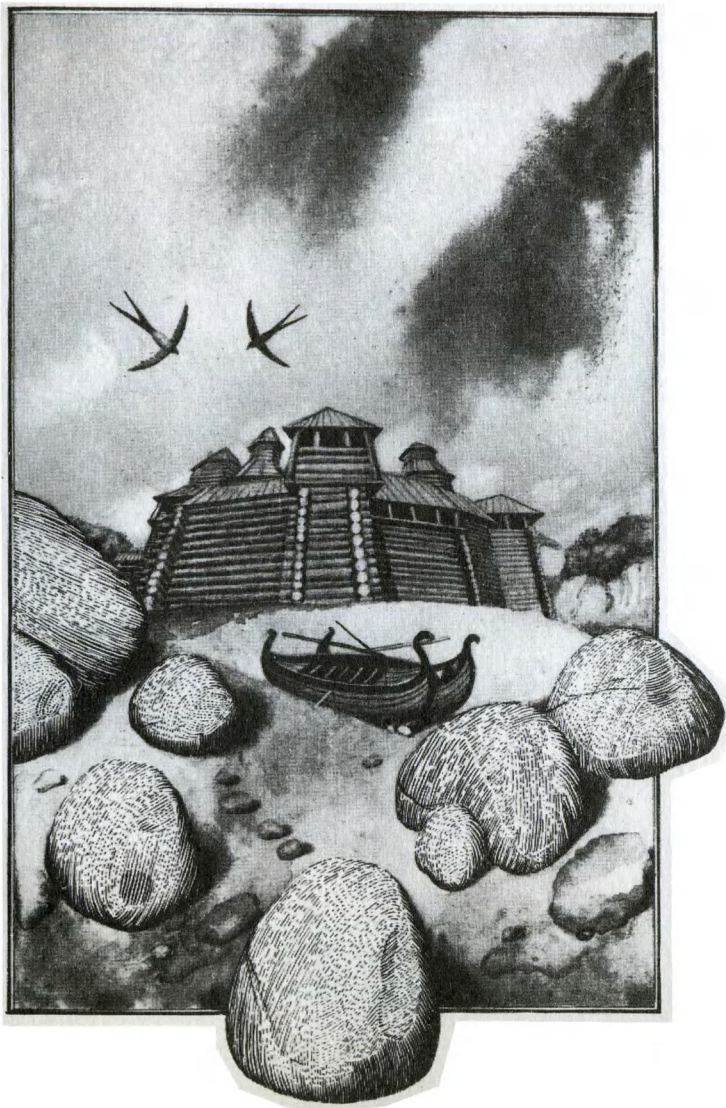
Редактор
Н. Н. Габисония
Младший редактор
Е. Б. Крышкينا

Художественный
редактор
В. П. Храмов

Технический редактор
Е. А. Чулкова

Корректор
Л. Ф. Чичулина

ИБ 1041
Сдано в набор 06.01.86.
Подписано в печать
20.11.86. Формат
70×100¹/₃₂. Бумага оф-
сетная № 1. Печать офсет.
Гарнитура школьная. Усл.
печ. л. 5,20. Уч.-изд. л.
5,49. Усл. кр.-отт. 21,28.
Тираж 200 000 экз. Заказ
2749. Цена 40 коп.
Издательство «Педагоги-
ка» Академии педагоги-
ческих наук СССР и Го-
сударственного комитета
СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и
книжной торговли.
107847 Москва, Лефор-
товский пер., 8
Ордена Трудового Крас-
ного Знамени Калинин-
ский полиграфический
комбинат Союзполиграф-
прома при Государствен-
ном комитете СССР по де-
лам издательств, полигра-
фии и книжной торговли
170024 г. Калинин, пр.
Ленина, 5

40 коп.

Читайте
следующую
книгу
серии
«Ученые —
школьнику»!

Книга посвящена
современным проблемам
литературоведения.

«Главная книга» советской
литературы — о Ленине и
революции.

Современная проза о войне
постигает тайну воинского
самопожертвования —
высшего проявления
человеческой духовности.

Суровая правда жизни,
острота в постановке ее
проблем, глубокая
поэтичность в лучших
произведениях о деревне.

Остросоциальный роман о
непримиримой борьбе с
общественным злом мещанства.

Об этом рассказывает
известный литературный
критик и публицист, доктор
филологических наук, лауреат
Государственной премии
РСФСР Ф. Ф. Кузнецов
в книге «Современная советская
проза».